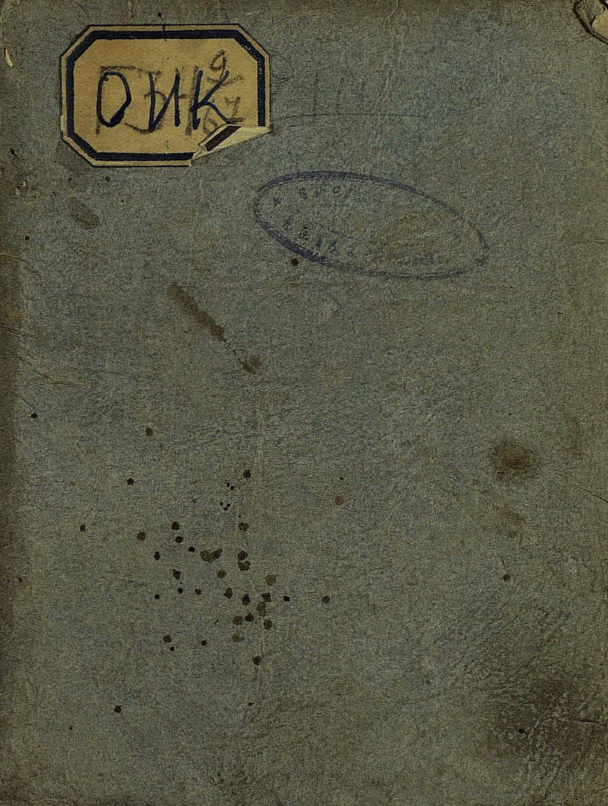

ОИК

№ 458

ОИК

необр. альм.

Стр. все. + 2 лл. илл.
между 108-109 стр. виньетка
+ стр 85-92.

Феодору Саину

за его прилежание

дарит учитель

Андрей Пене

1828

Iюня 14 дня

Исторія указываетъ пути къ славѣ и добродѣтели.

МОСКОВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ

НА 1828 ГОДЪ,

ИСТОРІИ, СЛОВЕСНОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ.

ИЗДАННЫЙ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕД. - ХИРУРГ. АКАДЕМІИ.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были *семь* экземпляровъ сей книги въ Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, 1827 года Ноября 2 дня. *Правящій должность Предсѣдателя,*

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

I.

СЕМЕЙСТВЕННОЕ СЧАСТІЕ,

или

РАЗГОВОРЪ

ВЪ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГОДА.

Отецъ (*одинъ у столика, на которомъ лежатъ книги*).

Четырнадцать лѣтъ наслаждаюсь я счастіемъ семейственнымъ. Оно всегда плѣняло мое сердце. Очень справедливо сказалъ одинъ писатель, что сердце, *которое живетъ вездѣ, нигдѣ не живетъ.* Къ чему пріютиться сердцу тамъ, гдѣ всѣ живутъ *внѣ себя, а не съ са-*

мими собою?... И я увлекался вихремъ блестящаго свѣта; но среди всѣхъ утѣхъ и разсѣянія, я часто,—часто воздыхалъ, возвращаясь въ уединенное свое жилище: глаза мои видѣли блескъ, душа ничѣмъ не наслаждалась. Проходила зима; вмѣстѣ съ нею проходили и балы и собранія и *концерты*; все—все проходило, какъ будто бы и не бывало. Наступала весна; природа разцвѣтала; а сердце мое тосковало. Но о чемъ я тогда мечталъ, теперь тѣмъ наслаждаюсь. Быстро пролетѣли четырнадцать лѣтъ, а слѣды ихъ остались въ душѣ моей.

«Душа привыкла жить всегда воспоминаньемъ (1)!»

---

(1) Княжнинъ.

Вася и Соня *(входятъ)*.

Маминька послала насъ къ вамъ; она занимается хозяйствомъ.

Отецъ.

Она могла бы имъ и не заниматься, но ей пріятно подавать собою примѣръ домашнимъ. Вниманіе матери семейства облегчаетъ всѣ труды. Не забывайте этаго никогда.

Соня.

Маминька всегда намъ твердитъ, чтобы мы помнили каждое ваше слово.

Отецъ.

Вася! тебѣ уже двѣнадцатый годъ; Соня! тебѣ уже восемь лѣтъ. Пройдетъ

еще годъ, пройдешъ другой: пройдушъ годы и не возврашяшся.

« Время проходишъ,
Время лешишъ (1)! »

Лешишъ и не возврашишся. Гдѣ же, милыя мои дѣши, гдѣ опыщемъ его слѣды? Въ памяши, въ душѣ, въ сердцѣ. Вася! сего дня изъ-подъ руководсшва нѣжной машери шы переходишь подъ непосредсшвенный мой присмошръ. Попечишельная машь была первою швоею насшавницею; ошецъ швой будешъ первымъ швоимъ насшавникомъ. Мы должны шебя пригошовишь для будущаго швоего счасшія; а въ въ чемъ же, мой другъ, въ чемъ сосшоишъ эшо счасшіе?

---

(1) Сумароковъ.

Вася.

Маминька всегда мнѣ говорила, что счастіе состоитъ въ томъ, чтобы любить Бога, вѣру, Государя, Отечество, родителей; любить всѣхъ ближнихъ, не желать никому зла и дѣлать добро, сколько возможно.

Отецъ.

Помни, помни всегда наставленіе матери. Все, что отъ меня услышишь, все то будетъ повтореніемъ того, что передавали тебѣ сердце и уста матери.

«Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ (1)!»

---

(1) И. И. Дмитріевъ.

Не забывай никогда голоса матери, одушевляйся имъ во всѣхъ возрастахъ твоей жизни.

Вася (*съ чувствомъ*).

Никогда, никогда не забуду того, что слышалъ отъ маминьки. Всѣ ея слова у меня и въ памяти и въ сердцѣ.

Соня.

И я также никогда не забуду словъ ея. Она учитъ, она бережетъ насъ: какъ же мнѣ это забыть? — Она учитъ меня любить Бога, Который далъ намъ нѣжныхъ родителей: какъ же мнѣ забыть, что мы получили отъ Него такое благодѣяніе? — Она учитъ насъ любить добрыхъ нашихъ Государей: какъ же намъ забыть тѣхъ, которые почитаютъ всѣхъ дѣтей своими

дѣтьми. Вы нѣсколько разъ возили насъ въ Институты; намъ казалось, что тамъ всѣ родныя сестры и дочери одной матери.

Вася.

Вы намъ разсказывали, что въ бытность свою въ Москвѣ Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА съ утренней почти зарею посѣщала тѣ заведенія, которыя имѣютъ счастіе находиться подъ Ея покровительствомъ. Вы намъ разсказывали, что Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, когда дѣти одного бѣднаго Дворянина упали на улицѣ на колѣни, по которой Она проѣзжала въ Москвѣ, тотчасъ приказала остановиться, вышла изъ кареты, Своею рукою приподняла дѣтей и записала ихъ имена. Одна

изъ малолѣтныхъ дочерей сего семейства взята подъ благодѣтельный покровъ Ея Императорскаго Высочества ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ. Любезный родитель! это все осталось у насъ и въ памяти и въ сердцѣ.

Отецъ.

Благодарность, мой милый другъ! очень справедливо названа *памятью сердца*. Будемъ хранить всегда сію сердечную благодарность къ Великимъ нашимъ Попечителямъ о воспитаніи. Нигдѣ, нигдѣ не заботятся такъ о дѣтяхъ, какъ въ нашемъ любезномъ Отечествѣ. Нигдѣ нѣтъ такого надежнаго пристанища для дѣтей Дворянъ заслуженныхъ и недостаточныхъ; нигдѣ съ такимъ милосердіемъ не призираютъ сиротъ, лишив-

шихся отцевъ и матерей. . . Соня! ты плачешь!

Соня.

Папинька! не говорите, не говорите намъ никогда, что можно жить безъ отцевъ и матерей! . . .

Вася.

Не говорите намъ объ этомъ.

Отецъ.

Все зависитъ отъ Бога! но счастливы тамъ дѣти, гдѣ у нихъ всегда остаются отцы и матери по чувству благотворенія...

(Входитъ мать семейства).

Вася.

Въ присутствіи нѣжной матери, съ

чувствіемъ сыновнимъ, подношу вамъ переводъ мой и посвященіе.

Отецъ (*беретъ переводъ и читаетъ посвященіе*).

«Я читалъ въ Исторіи, что когда Александръ *Македонскій* проходилъ степь, опаляемую зноемъ, и гдѣ не было ни одного источника для утоленія жажды, тогда одному изъ его воиновъ удалось зачерпнуть въ шлемъ нѣсколько воды подъ кустомъ. Съ радостнымъ восторгомъ полетѣлъ онъ къ Царю и поднесъ ему шлемъ съ водою. Александръ взялъ шлемъ, поблагодарилъ воина и вылилъ воду для того, что готовъ былъ съ войскомъ своимъ дѣлить и жажду и голодъ и всѣ труды. Историки прославляютъ сей великодушный подвигъ. Я, можетъ быть, подношу вамъ

менѣе того, что заключалось въ шлемѣ *Македонскаго* воина, но прошу, чтобы вы на сей разъ не подражали славному самоотверженію побѣдителя Персовъ. Я посвящаю вамъ первый плодъ моихъ трудовъ:—посвящаю нѣкоторыя мысли о воспитаніи и ученіи, о чемъ вы такъ часто разговариваете съ нами.

Отецъ (*пробѣгая рукопись, читаетъ вслухъ слѣдующее*):

«Катонъ, Римскій Цензоръ, былъ уже старъ, когда началъ учиться Греческому языку. «*Лучше*, говорилъ онъ: *быть старымъ ученикомъ, нежели юнымъ невѣждою.*»

«Разпространеніе полезнаго ученія есть важнѣйшій подвигъ Государственный. Отъ

воспитанія юношества зависитъ будущій жребій Отечества.» —

Двѣ послѣднія мысли довольно удачно переведены.

Вася.

Онѣ вамъ принадлежатъ. Я внимательно слушалъ, когда вы переводили словесно сіи изреченія. Послѣднее изъ нихъ перевели вы изъ Французскихъ вѣдомостей, гдѣ писано было о путешествіи Короля Французскаго, и гдѣ сказано, что онъ произнесъ сіи слова въ городѣ *Аміенѣ* Академическому Совѣту.

Отецъ.

Точно такъ. Благодарю тебя, что ты помнишь то, что приноситъ пользу сердцу и уму. Но нашъ милосердый Госу-

дарь еще прежде возвѣстилъ, что «родители должны все ихъ вниманіе обратить на нравственное воспитаніе дѣтей.» Какую священную и вмѣстѣ пріятную обязанность возлагаетъ на родителей Отецъ Отечества! Какъ сладостно переселять въ сердца дѣтей все то, что украшаетъ сердце и душу! Но до сихъ поръ вы этимъ болѣе одолжены матери своей, нежели мнѣ.

Мать.

Мой другъ! я руководствовалась только твоими совѣтами.

Отецъ.

Нѣтъ! ты руководствовалась собственнымъ своимъ сердцемъ. «Сердце нѣжной матери, сказалъ одинъ писатель, есть

лучшій даръ любви небесной.» Я вполнѣ эшо чувствую. Не порицаю ничего и никого, но сколь счастливъ тотъ, кто можетъ сказать съ поэтомъ:

«Гдѣ лучше, какъ въ семьѣ своей?»

Мать.

Это отголосокъ и моей души.

Соня.

Позвольте мнѣ также представить вамъ небольшой мой переводъ.

Отецъ (*беретъ и читаетъ*).

«Французскому стихотворцу *Мальгербу* было уже шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ лишился матери своей. Королева послала къ нему пажа своего съ утѣшительными словами. «Съ чувствительностію принимаю честь, оказанную мнѣ

Королевою, отвѣчалъ Мальгербъ; и по влеченію благодарности буду молить Бога, чтобы Король ея сынъ оплакивалъ родительницу свою въ такія же лѣта, въ какія я оплакиваю свою мать.»

Отецъ.

Благодарю и за переводъ и за выборъ. Иностраннымъ языкамъ очень похвально учиться, и учиться такъ, чтобы понимать всю душу языка, а въ случаѣ нужды писать не заимственнымъ перомъ. Но первый нашъ долгъ знать языкъ свой отечественный. «Объясняться словами, сказалъ *Бюффонъ*: не значитъ выговаривать однѣ слова. Объясняться—значитъ предлагать мысли свои и передавать ихъ другимъ.» И такъ природный нашъ языкъ долженъ быть первымъ союзомъ взаимнаго сношенія

сердецъ и умовъ. Слова сего языка должны возраждать и возбуждать въ душахъ нашихъ все то, что составляетъ достоинство человѣка, прелесть добродѣтели, любви, дружбы и благодарности. Голосъ нѣжной матери первый началъ все это передавать душамъ вашимъ. Пусть онъ въ нихъ всегда отзывается! Вотъ лучшее мое желанiе дѣтямъ моимъ въ первый день года.

II.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ
И
ГОСТЕПРІИМСТВО.

Человѣколюбіе и гостепріимство! вы были украшеніемъ жизни въ тѣ счастливые дни, когда человѣкъ ближе былъ къ природѣ и къ своему сердцу. Ближе не къ природѣ дикой, но къ той пастырской жизни, которая подъ яснымъ лазоревымъ сводомъ протекала на цвѣтущихъ долинахъ Азіи, сей первой колыбели рода человѣческаго. Тогда у входа шатровъ па-

стырскихъ, гостепріимство, такъ сказать, стояло на неусыпной стражѣ; тогда человѣколюбіе встрѣчало каждаго упомленнаго странника и въ заботахъ о успокоеніи его находило сладостнѣйшую отраду.

Въ Россію любовь небесная ввела и гостепріимство и человѣколюбіе.

Мы не знаемъ никакихъ почти нравственныхъ подробностей о предкахъ нашихъ *Славянахъ* и *Руссахъ*. Мы знаемъ только то, что они любили предпріятія отважныя и походы дальные. Мы знаемъ, что они любили сражаться съ грозными волнами *Чернаго моря* и доплывали къ берегамъ Сиріи и далѣе. Мы знаемъ, что они не страшились острія копій и мечей булатныхъ, а въ дни мир-

ные предавались шумнымъ пиршествамъ. Но имъ не извѣстны были прелести жизни безмятежной и семейственной. А жизнь, обуреваемая одними порывами страстей, не есть еще жизнь общественная.

И такъ повторимъ, что любовь небесная ввела въ Россію и человѣколюбіе и гостепріимство.

Князь Владиміръ Святославичь, сей *исполинъ* войны (1), озарясь сіяніемъ вѣры Христіанской, по словамъ незабвеннаго нашего Историографа Н. М. Карамзина, сталъ совсѣмъ *инымъ человѣкомъ*. Соединясь душою съ Небесами, онъ какъ будто бы отрекся отъ самаго себя. Онъ забылъ личность свою; онъ

---

(1) Выраженіе *Ломоносова*.

сталъ жить жизнію общественною. Сперва приносилъ все въ жертву страстямъ своимъ, потомъ обрекъ все въ жертву человѣчеству. Золото, серебро и всѣ сокровища отдавалъ онъ Боярамъ и дружинѣ своей. Терема Княжескіе и сердце его отворилось для всѣхъ бѣдныхъ страдальцевъ. Взоръ Князя человѣколюбиваго и привѣтливаго былъ для всѣхъ *солнцемъ животворнымъ*. На пространномъ дворѣ, уставленномъ столами со всѣми избытками жизни, гостепріимство встрѣчало и принимало бѣдныхъ. Тамъ въ братскомъ сліяніи душъ и сердецъ, забывая горе и скорбь, они восклицали отъ полноты душевной: *да живетъ несчетные вѣки Князь Владиміръ Святославичь! да сіяетъ всегда солнышко земли Русской!*

Въ то же время по всѣмъ улицамъ Кіевскимъ раздавались голоса: *гдѣ нищіе? гдѣ бѣдные? гдѣ тѣ, которые не могутъ ходить?* Такъ кричали люди, которымъ повелѣно было отыскивать страдальцевъ подъ бѣднымъ кровомъ ихъ жилищъ и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ.

Сею чертою человѣколюбія украсилась и жизнь АЛЕКСАНДРА Перваго. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1802 года далъ Онъ повелѣніе *отыскивать недостаточныхъ отцевъ семействъ въ ихъ жилищахъ.*

Да будетъ благословенна память заботливаго попечителя о жребіи злополучныхъ!

«Провидѣніе, говоритъ одинъ писатель, для того возвело Царей на высокую

степень, чтобы имъ удобнѣе было усматривать страдальцевъ отдаленныхъ.»

Сіе благотворное наблюденіе миритъ бѣдность съ богатствомъ. Страдалецъ, озаренный лучами надежды, сей неразлучной сопутницы жизни человѣческой, уже перестаетъ быть страдальцемъ. Съ утѣшительною надеждою обращаемъ мы взоры туда, откуда блистаютъ лучи милосердія, какъ ясная заря прекраснаго Майскаго утра.

Гостепріимство и человѣколюбіе Русскихъ относилось не только къ соотечественникамъ, но и къ жителямъ всѣхъ странъ иноземныхъ. «Ласково, привѣтливо принимайте каждаго иноземца, говоритъ Владиміръ *Мономахъ*: дружелюбно предлагайте ему убѣжище; охотною

рукою несите ему дары, а если нечѣмъ дарить, дарите любовію. Пусть, возвратясь въ родной свой край, иноземецъ перенесетъ туда съ собою добрую славу о имени вашемъ.»

Человѣколюбіе не ищетъ ни молвы, ни славы; но слава человѣколюбія переживаетъ ту славу, которая оглушаетъ слухъ, а не доходитъ до сердца. Во мракѣ вѣковъ отдаленныхъ затихъ шумъ побѣдоноснаго оружія *Юлія Кесаря*, но мы и теперь съ восхищеніемъ воспоминаемъ о вниманіи его къ человѣчеству, засвидѣтельствованному слѣдующимъ случаемъ:

«Однажды, говоритъ Плутархъ, сильная гроза застигла Кесаря въ дорогѣ. Онъ поспѣшилъ въ хижину бѣднаго поселянина, но увидя, что тамъ едва ли можно помѣ-

ститься и одному человѣку, сказалъ друзьямъ своимъ: *мѣста почетныя должно уступать людямъ знатнымъ, а покойныя—больнымъ.* Сказалъ и больному сопутнику своему *Опію* уступилъ хижину, а самъ съ поварищами легъ подъ скуднымъ навѣсомъ. »

Еслибъ Исторія сохраняла только такія черты, тогда бы дѣйствительно вмѣстѣ съ *Діодоромъ Сицилійскимъ* можно было бы ее назвать *благодѣтельницею рода человѣческаго.*

Среди всѣхъ превратностей, постигавшихъ Россію, гостепріимство не охлаждалось въ Отечествѣ нашемъ. *Флимингъ*, Посолъ Гольстинскій, проѣзжавшій черезъ Россію въ Персію, съ восторгомъ говоритъ о гостепріимствѣ Рус-

скихъ и жизнь Новородскихъ поселянъ уподобляетъ жизни пастырей золотаго вѣка. *Флимингъ* не потому только такъ объясняется, что будто бы онъ все видѣлъ въ *розовомъ* цвѣтѣ, но потому, что онъ смотрѣлъ на все глазами любви, а не предубѣжденія. Наблюденіе обычаеавъ есть наблюденіе внѣшнее; наблюденіе душъ и сердецъ есть истинное нравственное наблюденіе.

Ѳ. П. Львовъ въ слѣдующихъ стихахъ оживотворилъ *Флимингово* изображеніе счастливой жизни Русскихъ поселянъ:

«Русь, блаженная стократно!
«Какъ душѣ моей пріятно,
«Что въ родной странѣ моей
«Въ селахъ можно съ счастьемъ знаться,
«Съ нимъ въ углу своемъ встрѣчаться,

«Что крестьянинъ добрый твой
«И подъ тучей громовой
«Въ дождь и вихрь, песокъ крутящій
«И въ морозъ и въ зной палящій
«За работою поетъ!
«Тамъ измѣны щастью нѣтъ,
«Гдѣ оно въ душѣ живетъ.»

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича свидѣтельствуетъ, что и законы гражданскіе могутъ поощрять къ человѣколюбію. Въ силу одной статьи Уложенія, сборъ денегъ для *выкупа плѣнныхъ* простирался отъ царскихъ теремовъ до хижинъ земледѣльческихъ.

Хотя роскошь въ сильномъ разливѣ въ нашемъ Отечествѣ, но и теперь множество благодѣтельныхъ заведеній доказываютъ о существованіи наслѣдственнаго человѣколюбія Русскихъ.

Пусть въ нѣдрахъ нашего Отечества цвѣтутъ всегда человѣколюбіе и гостепріимство; пусть услаждаютъ они сердца своихъ и чужихъ! Пусть приманки роскоши болѣе и болѣе замѣняются тѣми сердечными чувствованіями, которыми освѣтляется тернистый путь жизни скоротечной! Пусть вездѣ и для всѣхъ сіяетъ любовь и пусть общимъ правиломъ будетъ: *жить, значитъ дѣлать добро.*

III.

УВАЖЕНІЕ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО
къ древнимъ памятникамъ Русской славы.

Въ царствованіе еще Екатерины Второй, осматривая Кабинетъ Петра Перваго, Александръ Первый назвалъ шпагу Своего Великаго Предка: *самою Русскою шпагою* (1).

И мечь Александра Перваго, обнаженный къ защитѣ Отечества и независимо-

(1) Смотри книгу: Кабинетъ Петра Перваго.

сти Европы, вездѣ озарялся славою Полтавскаго Героя.

Близко на полѣ громкихъ битвъ смерть ходила подлѣ Петра; на томъ же поприщѣ смертная опасность приближалась и къ Правнуку Его. Но Провидѣніе отклоняло грозныя тучи, къ сбереженію Защитника Россіи и Европы.

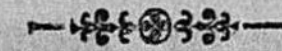
Усердіе къ памятникамъ древней Русской славы возрастало съ лѣтами Александра Перваго. За нѣсколько лѣтъ до нашествія на Россію новаго завоевателя, на Высочайшее благоусмотрѣніе предложено было о сломкѣ нѣкоторой части стѣнъ Кремлевскихъ. Государь предписалъ поправлять и возобновлять (1).

---

(1) Смот. Русской Вѣстникъ 1808, часть 3.

И Кремль, сбереженный въ дни мирные во всей цѣлости усердіемъ къ древней Русской славѣ, въ блистательнѣйшемъ видѣ возникъ изъ развалинъ разрушенія.

Провидѣніе предоставило Александру Первому подвигъ Возобновителя древней Русской славы и Созидателя новой славы Отечества.

IV.

УСЕРДІЕ ЛОМОНОСОВА
къ ЕКАТЕРИНѢ Второй.

Уже далеки были отъ Ломоносова дни юности, когда Екатерина Вторая вступила на престолъ, но говоря собственными его словами, *ни преклонность вѣка, ни болѣзни не повергали въ оцѣпенѣніе почтительнаго его духа къ Монархамъ.* По вдохновенію сердечнаго чувства написалъ онъ Екатеринѣ сіи стихи:

«Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность нашъ покой.»

V.

ПЕРВЫЙ ОТЕЦЪ-ХРИСТІАНИНЪ,

НАСТАВЛЯЮЩІЙ ДѢТЕЙ СВОИХЪ.

Отъ времянъ языческихъ къ намъ не перешли никакія поученія ни отцевъ, ни матерей. Земля, разлученная съ Небесами, какъ будто бы навсегда разлучала тогда души и сердца дѣтей съ душами отцевъ и матерей. Голосъ вѣры Христіанской соединилъ землю съ Небомъ и души отцевъ и матерей съ душами и сердцами ихъ дѣтей. Для *новыхъ людей*, для наслѣдниковъ вѣчности, не смерть уже стала казаться ужасною, но мысль, чтобы

дѣти ихъ не уклонились отъ путей вѣры и добродѣтели. Оставляя міръ, они оставляли въ душахъ и умахъ дѣтей нравственное свое бытіе, то есть, наставленіе родительское.

1054 года, Князь Ярославъ Владиміровичъ, призвавъ къ смертному одру сыновъ своихъ, вѣщалъ имъ: « сыны мои! я отхожу отъ свѣта. Храните между собою любовь; вы братья одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви и согласіи, то и Богъ будетъ съ вами и въ васъ. Возстанутъ ли враги на области ваши? Самъ Богъ пойдетъ передъ вашими полками. За ваше единодушіе Онъ укротитъ гордость и дерзость возмутителей спокойствія земли Русской. Миръ сердецъ вашихъ доставитъ общій миръ и спокой-

ствіе всѣмъ людямъ Отечества вашего. Но горе, горе вамъ, если злая ненависть и буйные раздоры возмутятъ ваши души! Вы и сами погибнете и землю Русскую погубите. Тогда изчезнутъ труды отцевъ вашихъ; разорятся селенія и города; разорятся и новые храмы, сооруженные Богу истинному. Страшно вымолвить! тогда и Богъ отъ васъ отступится! И такъ храните послушаніе; почитайте, уважайте старшинство. Не будьте ослушниками волѣ Вышняго Творца; не переступайте въ чужіе предѣлы; будьте довольны удѣлами своими. Старшему вашему брату *Изяславу* завѣщеваю Кіевъ, а ты, сынъ мой, замѣни меня братьямъ своимъ. Вступайся за обиду каждаго брата; напоминай имъ слова мои; помогай всею душею и всѣмъ сердцемъ.

VI.

ОТЕЦЪ,

УСЛАЖДАЮЩІЙ СЕРДЕЧНУЮ СКОРБЬ ПОУЧЕНІЕМЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ.

Скорби и горести посѣщаютъ и чертоги и хижины! Счастливъ тотъ, кто въ радости и въ унынiи не разлученъ съ Богомъ и вѣрою! Будемъ всегда съ Ними и Они будутъ всегда съ нами.

Для спокойствія земли Русской, Владиміръ *Мономахъ* два раза отрекался отъ престола. Но часто не умѣютъ подражать и лучшему примѣру. Зависть и властолюбіе все забываютъ, кромѣ алчности своей.

Родственники возстали на добродѣтельнаго и миролюбиваго Князя Владиміра Мономаха. Въ сіи дни скорбные онъ еще болѣе занялся жребіемъ своихъ дѣтей. Переносясь мыслію къ престолу Отца-Отцевъ, и, моля Его быть хранителемъ сыновъ, онъ вѣщалъ къ нимъ сіи слова, рукою его начертанныя въ духовномъ завѣщаніи:

«Страхъ Божій и благостыня *начало всякаго добра*.

«Будьте чисты тѣломъ и душею.

«Молчите при старыхъ, слушайте людей опытныхъ, повинуйтесь начальникамъ; любите, милуйте меньшихъ васъ, обходитесь съ ними ласково и безхитростно.

«Кто оказалъ добро и пользу другимъ, тотъ отъ Бога ожидай награды. И малое доброе дѣло угодно Богу.

«Бодрствуйте въ походѣ; сами во все входите; сами во всемъ подавайте примѣръ.

«Пусть заря утренняя встрѣчаетъ васъ въ трудахъ ратныхъ. Для спокойствія всѣхъ не щадите своего спокойствія.

«Лѣность есть мать всякаго зла.

«Никогда не забывайте полезнаго.

«Лѣнивый забудетъ, что знаетъ; а чего не знаетъ, тому не научится.

«Принимайте ласково и своихъ и чужихъ. Никого не оскорбляйте ни словомъ, ни дѣломъ. Даже и въ военное время охраняйте отъ разоренія и нивы и селенія земледѣльческія. За обиженную невинность Самъ Богъ вступается.

«Уважайте *гостя*, или посѣтителя, изъ какихъ бы дальныхъ краевъ ни пришелъ

онъ, и какого бы ни былъ чина и званія. Онъ человѣкъ, онъ вашъ брапъ. За привѣпливое человѣколюбіе спранники и пушешеспвенники прославяпъ имя ваше въ Опечеспвѣ своемъ.

«Хранипе вдовъ; благодѣпельспвуйпе сиропамъ; посѣщайпе больныхъ; ходипе къ умершимъ. Мы всѣ смерпные.»

Несторъ свидѣтельствуепъ, что Владиміръ *Мономахъ* такъ любилъ людей Русскихъ, какъ нѣжная мапь любипъ дѣпей своихъ.

Онъ жилъ добромъ и для добра.

Онъ спарался самъ все по дѣлапь собственными руками, чѣмъ могъ облегчипь пруды служипелей или воиновъ.

Онъ чтилъ и уважалъ духовныхъ: они молятся за насъ Богу.

За все благодарилъ Бога и все относилъ къ Богу, и Богъ во всемъ ему помогалъ.

«Сегодни живы, вѣщалъ онъ, а завтра во гробѣ! — Не наше, не наше, о Боже! все, что Ты намъ далъ; но Твое! Все, что имѣемъ, поручилъ Ты намъ на малые дни. Грѣхъ скрывать и утаивать то, что Богъ послалъ. Есть страдальцы, есть бѣдные; съ ними дѣлитесь.»

—⁂—

VII.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ.

Александръ, сынъ Филиппа, Царя Македонскаго и Олимпіи, родился за 356 лѣтъ до Рождества Христова.

Филиппъ, находясь въ отроческія лѣта въ Ѳивахъ, научился почитать воспитаніе первымъ благомъ жизни. И такъ онъ избралъ для сына своего наставникомъ Аристотеля, Философа Греческаго, знаменитаго ученостью и добродѣтелью. « Благодарю боговъ, писалъ онъ къ нему: не за то, что они дали мнѣ сына, но за то, что онъ родился при жизни Аристотеля. Надѣюсь,

чпю пы учинишь его доспюйнымъ и опща его и Македоніи.»

Юный Александръ опъ самаго младенческпва изъявилъ мужеспво опважное, гордоспь непреклонную и необузданную спраспь къ славѣ, порывавшія его къ великимъ предпріяпіямъ, и споль часпо помрачавшія блиспапельнѣйшія его дѣянія. Онъ любилъ ученіе, навыкалъ къ прудамъ различными пѣлесными упражненіями, съ воспоргомъ внималъ повѣспвованію о бипвахъ и о подвигахъ знаменипыхъ древнихъ мужей. Слыша о славѣ опща своего и о военныхъ его предпріяпіяхъ, онъ съ гореспію восклицалъ: «послѣ опща моего мнѣ уже нечего будепъ дѣлапь!» Съ нимъ всегда были пворенія Гомера; ночью клалъ онъ ихъ подъ подушку. Верхъ славы своей поспав-

лялъ онъ въ томъ, чтобы сравниться съ героями сего поэта, и чтобы подобно имъ увѣковѣчиться въ громкихъ пѣснопѣніяхъ.

Одажды привели къ Филиппу лошадь прекраснѣйшую непомѣрной цѣны. Лучшіе ѣздоки не могли укротить ее: дикій конь никого къ себѣ не подпускалъ. Царь, плѣненный его красотою, съ сожалѣніемъ повелѣлъ отослать назадъ, ибо онъ былъ вовсе безполезенъ. Александръ проситъ у отца дозволенія подойти къ коню, беретъ за узду, обращаетъ его къ солнцу, замѣтя, что онъ пугается тѣни своей, гладитъ его, ласкаетъ, сбрасываетъ съ себя осторожно епанчу, взлетаетъ на коня, несется молніей и приводитъ всѣхъ въ ужасъ. Зрители изумляются, видя, что онъ правитъ по волѣ своей конемъ, дотолѣ не-

приступнымъ. Проливая радостныя слезы, Филиппъ воскликнулъ: «ищи другое царство, сынъ мой! Македонія для тебя тѣсна.»

18 лѣтъ сражался онъ подлѣ отца своего въ битвѣ, посредствомъ которой Филиппъ совершенно покорилъ Грецію, за 338 лѣтъ до Рождества Христова. На двадцать первомъ году Александръ вступилъ на престолъ.

Немедленно поспѣшилъ онъ въ Коринѳъ, чтобы по примѣру отца своего быть избрану предводителемъ Грековъ противъ Персовъ. Греки роптали на иго Македонское. Они принесли жертвы богамъ, узнавъ о смерти Филиппа и надѣясь легко освободиться отъ юнаго Александра; но

слабость не позволяла имъ расторгнуть оковъ.

Въ сіе время находился въ Коринѳѣ весьма странный Философъ Діогенъ. Желая усилить Сократово правило, чтобы какъ можно менѣе имѣть потребностей, онъ не брилъ бороды, ходилъ въ ветхой епанчѣ, носилъ котомку за спиною и жилъ въ бочкѣ.

Александръ посѣтилъ его и засталъ обогрѣвавшагося на солнцѣ у бочки своей. Долго разговаривая съ нимъ, удивлялся умнымъ и острымъ его отвѣтамъ, хвалилъ свободную его откровенность и правильный умъ, внушавшіе ему тѣ изреченія. Желая оказать ему милость, онъ спросилъ: не можетъ ли для него чего сдѣ-

лать?—« Да, отвѣчалъ Діогенъ: отодвинься немного отъ моего солнца. » Царь, оборотясь къ своимъ придворнымъ, сказалъ: *если бы я не былъ Александромъ, то желалъ бы быть Діогеномъ.*

Александръ любилъ искусства, хотя не былъ въ нихъ свѣдущъ и худо о нихъ судилъ. Онъ посѣщалъ великихъ художниковъ и изящнѣйшія ихъ произведенія, льстясь тайною надеждою, что Греческіе живописцы и ваятели увѣковѣчатъ ликъ его.

Покоря народы прибрежные нижнему Дунаю, взволновавшіеся по смерти отца его; устраша Грековъ строгимъ примѣромъ, удержавшимъ ихъ въ повиновеніи, онъ началъ 334 года до Р. Х. свои исполинскія завоеванія.

Переплывъ Гелеспонтъ, онъ перешелъ изъ Европы въ Азію. Близъ берега рѣки Граники собрано было Персидское войско. Александръ рѣшился устремились за рѣку; полководцы удерживали его. Юный герой воскликнулъ: *стыдно будетъ Гелеспонту, если насъ остановитъ сей ничтожный ручей!* Онъ бросается вплавь; воины спѣшатъ за нимъ; счастливо достигаетъ берега, нападаетъ, разитъ враговъ и захватываетъ Персидскій станъ со всѣми сокровищами.

Сія побѣда подвергала жизнь его опасности. Два Персидскіе полководца, узнавъ его по блестящему шлему, устремились на него. Одинъ изъ нихъ разитъ его въ шлемъ; Александръ готовится наказать дерзкаго противуборника, но другой со-

противникъ заноситъ мечъ на обнаженную его голову: смерть угрожаетъ ему. Въ сіе мгновеніе Клитъ, совоспитанникъ его, летитъ на помощь и отсѣкаетъ руку, простертую на Александра. Граникское сраженіе покорило Александру Малую Азію.

На Юго-Востокѣ сего полуострова находился городъ Тарсъ. Александръ прибылъ къ нему въ потѣ лица и въ пыли. Прозрачныя воды сосѣдней рѣки Сидна привлекли его къ купанью. Внезапно объялъ его холодъ и причинилъ ему жестокую горячку. Его отнесли на одръ. Болѣзнь его часъ отъ часу усиливалась; ни одинъ изъ врачей не отваживался предложить ему лѣкарства, опасаясь, чтобы въ случаѣ смерти Царя не обвинили ихъ въ измѣнѣ. Между тѣмъ Дарій Кодоманъ при-

спѣлъ съ многочисленнымъ ополченіемъ. Сія вѣсть поразила Александра лютѣйшею скорбію. Наконецъ ревностный врачъ Филиппъ вознамѣрился дать ему лѣкарство сильное, но рѣшительное. Новое испытаніе предстало Александру! Одинъ изъ любимыхъ его полководцевъ убѣждалъ его письмомъ не довѣрять Филиппу, подкупленному Персами. Онъ кладетъ письмо подъ подушку; врачъ приноситъ сосудъ съ лѣкарствомъ. Александръ беретъ оный безтрепетною рукою, подаетъ ему письмо и выпиваетъ лѣкарство. Филиппъ съ негодованіемъ опровергалъ клевету. Успокоивая его, Александръ сказалъ: *успѣхъ оправдаетъ тебя.* Черезъ нѣсколько дней герой выздоровѣлъ, явился передъ войскомъ и воспламенилъ его присутствіемъ своимъ.

Дарій и Александръ встрѣтились на Юго-Восточномъ рубежѣ Малой Азіи близь Иссійскаго урочища. Персы совершенно были разбиты за 333 года до Р. Х. Колесница Дарія запѣснилась между трупами; онъ спасся верхомъ. Мать его и дочери достались въ плѣнъ. Съ другомъ своимъ Ефестіономъ Александръ вошелъ въ ставку злополучныхъ плѣнницъ. Ефестіонъ былъ однѣхъ лѣтъ съ Царемъ, но превосходилъ ростомъ. Плѣнницы по ошибкѣ приняли любимца за Александра. Повергшись потомъ къ ногамъ побѣдителя, онѣ извинялись тѣмъ, что никогда его не видали. *Вы не ошиблись*, сказалъ Александръ: *это другой Александръ.*

Великодушіе Александра успокоило Даріево семейство. Но побѣдитель Царя Пер-

сидскаго самъ сталъ побѣжденъ ласкательствомъ и тщеславіемъ. Нарекшись сыномъ Юпитера, предался онъ необузданнымъ порывамъ страстей. Примѣръ его поработилъ разврату полководцевъ и воиновъ. Однако же и при сей развратной жизни, перенося всѣ тягости походовъ и битвъ, совершалъ онъ побѣдоносный путь полуденнымъ берегомъ моря. *Сидонъ*, разрушенный нѣкогда Персами, сдался Александру: большая часть городовъ Сиріи и Финикіи то же учинили. Тщетно сопротивлялся Тиръ. Александръ завоевалъ Палестину и вступилъ въ Египетъ за 332 года до Р. Х. Ненавидя Персовъ, Египетъ добровольно покорился: въ предѣлахъ его Александръ основалъ *Александрію*. Сей новый городъ замѣнилъ то торговлѣ древній *Тиръ*.

Щедрою рукою дѣлился Александръ добычею съ полководцами и съ воинами; ласкою возвышалъ онъ цѣну подарковъ. Одинъ изъ начальниковъ, предсшавляя ему непріяшельскую голову, сказалъ: «въ моемъ Ошечесшвѣ получаюшъ за эшо золошой кубокъ.» — Можешъ бышь пусшой, ошвѣчалъ Александръ, и далъ ему кубокъ, наполненный золошомъ. Въ другой разъ увидѣлъ онъ воина, силившагося гнашь лошака, навьюченнаго серебромъ для царской казны. Измученный лошакъ осшановился; воинъ взвалилъ на себя мѣшокъ и едва могъ дышашь. «Ободрись, воскликнулъ Царь: посшарайся донесшь мѣшокъ до сшавки своей: онъ швой.»

Изъ Египша неушомимый Александръ снова поспѣшилъ прошивъ Дарія и всшрѣ-

тился съ нимъ неподалеку отъ древней *Ниніи* на Сѣверной сторонѣ Тигра близъ города *Арбеллъ*. Тутъ третьею побѣдою надъ Даріемъ увѣнчался Александръ за 331 годъ до Р. Х. Вѣроломный Сатрапъ *Бессусъ* умертвилъ Дарія, спасавшагося бѣгствомъ. Всадники Македонскіе, преслѣдовавшіе Персидскаго Царя, нашли его полумертваго и обагреннаго кровію. Онъ попросилъ воды: одинъ изъ всадниковъ немедленно подалъ ему сосудъ съ водою. « Другъ мой! сказалъ злополучный Дарій: для меня теперь всего горестнѣе то, что не могу наградить тебя за твое благодѣяніе. Но тебя наградитъ Александръ, а боги не оставятъ его за великодушіе къ матери, супругѣ и дочерямъ моимъ. Черезъ тебя передаю ему права мои на престолъ Персидскій. »

Александръ прибылъ въ то самое мгновеніе, когда Дарій испустилъ послѣднее дыханіе. Проливая слезы, онъ прикрылъ его епанчею своей и приказалъ воздать ему всѣ почести, совершаемыя при погребеніи Персидскихъ Царей. Убійца Бессусъ былъ пойманъ и преданъ мучительной казни.

Персія пала къ стопамъ побѣдителя. Но къ покоренію странъ на Сѣверѣ Вавилона до Каспійскаго моря, надлежало пройти обширную безводную степь. Царю и воинамъ, истомленнымъ жаждою, угрожала повсемѣстная смерть. Вдругъ одинъ воинъ подноситъ ему въ шлемѣ воду, почерпнутую имъ въ ямѣ. «Нѣтъ, воскликнулъ Александръ: я не стану пить, когда столько храбрыхъ воиновъ страждутъ отъ жажды.» Сказалъ и вылилъ воду. Воины,

оживленные симъ пожертвованіемъ, единодушно возгласили: «веди насъ, куда хочешь: мы не устали; жажда не томитъ насъ. Съ тобою на все готовы.»

Воины, преодолѣвавшіе и трудъ и жажду; воины, отважно противоборствовавшіе смерти, отдались въ плѣнъ нѣгѣ и роскоши. Побѣдя Персовъ мечемъ, они побѣждены стали ихъ нравами. И самъ Александръ изчезъ въ Александрѣ. Онъ требовалъ, чтобы воины его повергались передъ нимъ ницъ подобно Персамъ. Отъ ослѣпленнаго высокомѣрія одинъ шагъ до лютости: Александръ и сей сдѣлалъ шагъ.

Два сына престарѣлаго Македонскаго полководца Парменіона пали за Александра на полѣ битвъ; третьяго казнилъ онъ за то, что оскорбилъ его тщеславіе. Горест-

ный отецъ палъ отъ мечей наемныхъ убійцъ. Подозрительный Царь страшился его присутствія, ибо онъ сталъ страшиться самаго себя.

На одномъ пиру, когда пьянство обуяло всѣ умы, одинъ изъ Царскихъ льстецовъ началъ превозносить его подвиги и называлъ его первымъ изъ всѣхъ героевъ. Всѣ соглашались, но Клитъ, спасшій жизнь его на первой битвѣ съ Персами, утверждалъ, что слава Александра уступаетъ славѣ его отца. «Филиппъ, говорилъ онъ: былъ и великимъ полководцемъ и благодѣтелемъ народа.» Александръ кипѣлъ негодованіемъ. Клитъ усиливалъ порицанія свои. Друзья увлекли его изъ пиршественной палаты. Клитъ силою ворвался туда, и называлъ Александра убійцею Парменіо-

на. Въ пьянственномъ изступленіи Александръ вырвалъ изъ рукъ одного изъ тѣлохранителей своихъ копье и вонзилъ въ грудь друга и избавителя своего.

Изчезло пьянство; осталось одно раскаяніе. Три дни и три ночи Александръ не ѣлъ и не спалъ. Громкими воплями призывалъ онъ Клита. Ласкатели истребили сіе отчаяніе. Принявъ начальство надъ войсками, снова домогался Александръ вступить на чреду боговъ. Ученикъ Аристотеля, мудрый Калисѳенъ, не хотѣлъ признавать его верховнымъ существомъ и былъ казненъ.

Увлекаясь ненасытнымъ тщеславіемъ, Александръ изъ Персіи перешелъ въ Индію. Воины роптали: предпріимчивость вождя обращала ихъ къ повиновенію.

Александръ требовалъ дани; одинъ изъ Царей Индѣйскихъ отвѣчалъ: «о Царь! если ты намѣренъ отнять у насъ воду и хлѣбъ: то, за что будемъ воевать? Одна необходимость заставляетъ проливать кровь. Я отдамъ тебѣ все, что мнѣ не такъ нужно, а чего у меня нѣтъ, то приму отъ тебя съ благодарностію.» Александръ возразилъ: «мы не обойдемся безъ боя. Не льстись: я не буду побѣжденъ въ великодушіи.» Завоеватель осыпалъ побѣжденнаго Царя дарами.

Одинъ изъ Индѣйскихъ пословъ, поразившій Александра величественнымъ видомъ своимъ, убѣждалъ побѣдителя опредѣлить мирныя условія. «Даю миръ твоимъ согражданамъ, отвѣчалъ онъ: но съ тѣмъ, чтобъ они избрали тебя Царемъ и при-

слали бъ то лучшихъ заложниковъ.» — «Потребуй то недостойныхъ, возразилъ Посолъ: и Отечество мое будетъ счастливѣе.» Восхищаясь симъ умнымъ отвѣтомъ, Александръ взялъ самое малое число заложниковъ.

Поръ, могущественнѣйшій изъ Царей Индѣйскихъ, отвергалъ покорность, сражался съ Александромъ и изнемогъ. «Какъ обойтиться мнѣ съ тобою?» спросилъ его побѣдитель. — «Какъ съ Царемъ,» отвѣчалъ Поръ. «Требуй чего хочешь, продолжалъ Александръ.» — «Слово Царь объявляетъ мои требованія.» — Александръ возвратилъ ему царство и присовокупилъ къ оному нѣкоторыя еще области.

Алчность къ завоеваніямъ влекла Александра на край вселенной: ропотъ и не-

годованіе воиновъ заставили его невольно назадъ возвратиться. Тщеславіе его несказанно было оскорблено тѣмъ, что женщина, что знаменитая Семирамида далѣе его была.

Обратный путь сопровождался и трудами и голодомъ и жаждою. Воины роптали; Александръ молчалъ и переносилъ всѣ тягости наровнѣ съ послѣднимъ воиномъ.

Пришедъ въ Персію, онъ великолѣпно наградилъ войско: въ станѣ его происходили непрестанныя игры и пиршества. Онъ сочетался бракомъ съ Статирою, старшею дочерью Дарія; выдалъ сестру ея за Ефестіона и въ одинъ день женилъ восемдесятъ Македонянъ на юныхъ доче-

ряхъ Персидскихъ вельможей, давъ имъ богатое приданое.

Необузданно предаваясь въ Вавилонѣ распутству и мечтамъ всемірнаго обладанія, Александръ умеръ 33 лѣтъ отъ пьянства.

Александръ, говоритъ Боссюэтъ въ безсмертной рѣчи своей о *Всемірной Исторіи*, возвратился въ Вавилонъ не въ видѣ завоевателя, но въ видѣ божества. Все предъ нимъ трепетало; и однако исполинская его держава изчезла вмѣстѣ съ жизнію его. Среди блестящихъ своихъ успѣховъ онъ могъ ожидать новыхъ успѣховъ. Не сбылись его ожиданія. Онъ умеръ ничего не учредя, и оставилъ малолѣтныхъ дѣтей, не способныхъ поднять столь тягостное бремя. . . Цар-

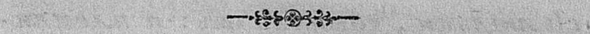
ство его было раздѣлено; семейство его истреблено; Македонія, древняя область его предковъ, перешла въ чужое обладаніе. Итакъ сей знаменитѣйшій и славнѣйшій завоеватель былъ послѣднимъ въ своемъ поколѣніи и вмѣстѣ съ наслѣдствомъ своихъ отцевъ погубилъ семейство свое. Вотъ славные плоды обширныхъ его завоеваній!»

Царь Ипиротскій, родной дядя Александра Македонскаго, однимъ изреченіемъ помрачилъ военные подвиги своего племянника. *Я воюю съ Римлянами; я воюю съ людьми*, говорилъ онъ: *а племянникъ мой воюетъ съ женщинами.* Такъ называлъ Ипиротскій Царь Персовъ, изнѣженныхъ роскошью.

Изображая мечту славы человѣческой, Державинъ справедливо сказалъ:

« Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
« А больше намъ полезнымъ быть?
« Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
« Поля, луга, сады кропить,
« И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
« Потомство привлекать съ вниманьемъ?»

Не громы убійственные, поражавшіе человѣчество, привлекаютъ *вниманіе потомства*, но мирныя добродѣтели, созидающія благо людей.

VIII.

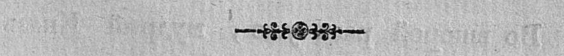
АБДОЛОНИМЪ.

Абдолонимъ, изъ поколѣнія Царей Сидонскихъ, учинился садовникомъ: Александръ отвлекъ его отъ сего занятія и возвелъ на престолъ.

Абдолонимъ заслужилъ за умѣренность свою славу безсмертную. Пришедъ въ Сидонъ, завоеватель низвергъ съ престола Стратона, тамошняго Царя и приверженца Даріева. Потомъ позволилъ онъ располагать Ефестіону царствомъ. Александровъ любимецъ предложилъ оный двумъ братьямъ, у которыхъ

жилъ. Сіи юноши, достойные напоминанія, отреклись отъ престола, ибо отечественные законы возбраняли царствовать тѣмъ, кто не царскаго поколѣнія. Увѣнчавшись похвалами *Ефестіона*, они предложили ему старца царскаго потомка, но столь бѣднаго, что онъ принужденъ былъ питаться загороднымъ садомъ, имъ самимъ воздѣлываемымъ. То былъ Абдолонимъ. Юноши Сидонскіе пошли за нимъ, облекли его въ царскія уборы и представили Александру. »Твой »видъ, сказалъ онъ, не измѣняетъ твоей »породѣ; но я хотѣлъ бы знать, какъ ты »переносилъ нищету?» — «Да соблаговолитъ Небо, отвѣчалъ Абдолонимъ, чтобы я такимъ же образомъ переносилъ бремя царской власти. Руки мои удовлетворяли

всѣмъ моимъ потребностямъ: я ничего не имѣлъ, но ни въ чемъ и не нуждался.»
Восхищенный симъ умнымъ отвѣтомъ, Александръ умножилъ доходы и разпространилъ области новаго Царя.

IX.

ОТЕЦЪ,

ЗАОЧНО НАСТАВЛЯЮЩІЙ И ПРОЩАЮЩІЙСЯ СЪ ДѢТЬМИ СВОИМИ.

Во вшорой разъ уже, мудрый Князь Ярославъ, кошорый послѣ Башыева нашесшвія, былъ первымъ возобновишелемъ сшраны Владимірской: во вшорой разъ принужденъ онъ былъ идши въ Орду на поклоненіе завоевашелю. Но Князь Русскій, подкрѣпляемый вѣрою и силою душевною, по свидѣшельсшву Лѣшописи (1): не смирил-

(1) Книга *Сшепенная* часшь I, сшр. 323.

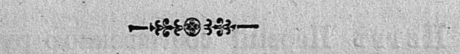
ся передъ *темною властію* завоевателя и не ужаснулся *безстыдной его ярости*. Мужественно вѣщалъ онъ истинну за землю Русскую и отважно изобличалъ почитателей *Алькорана*. Онъ отрекся отъ самаго себя для облегченія страдальческаго жребія соотечественниковъ своихъ: въ чемъ и успѣлъ. Нашлись клеветники. Благородство его души названо было духомъ мятежнымъ. Съ Ярославомъ были въ Ордѣ всѣ его родственники (1). Не отважась посягнуть на жизнь Русскаго Князя, Батый изобрѣлъ другую казнь: онъ разлучилъ Ярослава съ душевными его друзьями.

---

(1) Ист. Н. М. Карамзина. Часть IV, стр. 33. Въ Степенной книгѣ сказано: *съ нимъ же и братія его и сыновцы.*

Печально отправился въ путь Князь Ярославъ; сердце его было тамъ, гдѣ были его друзья. Душа все сближаетъ. Заочно бесѣдуя съ сынами, онъ вѣщалъ къ нимъ сіи слова въ послѣднія мгновенія жизни своей: «О, сыны мои любезные! храбрый и мудрый Александръ, поспѣшный Андрей! бодрственный Константинъ и Ярославъ! и милый Михаилъ и благодушный Даніилъ! Во дни испытанія и скорби будьте истинными блюстителями благочестія: подкрѣпляйте величіе Русской Державы и будьте наставниками людей своихъ. Я уже не увижу васъ; не увижу земли *Суздальской*; сила моя изнемогаетъ; гробъ отверзтъ передо мною. Заочно благословляю васъ; заочно убѣждаю васъ: охраняйте, берегите сестеръ своихъ. Горестна, печальна

ихъ судьба! Нѣтъ у нихъ матери; лишаются онѣ отца: будьте имъ и матерью и отцами. Богъ, отецъ сиротъ, наградитъ васъ.»

X.

ЧЕРТЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ
ПЕТРА ПЕРВАГО.

Петръ Первый собственною рукою начерталъ весь постепенный ходъ ученія для сына своего Алексѣя Петровича. Не сбылись Его ожиданія отъ того, что на землѣ не было и нѣтъ совершеннаго счастія.

Но Петръ всегда былъ счастливъ чувствованіями небесными: Вѣрою и надеждою на Провидѣніе.

Онъ былъ примѣрнымъ сыномъ своего времени. *Ѳеофанъ* свидѣтельствуетъ, что,

повинуясь машери, онъ забывалъ и себя и свой царской санъ, и помнилъ одинъ шолько долгъ сыновнiй.

Примѣрный сынъ спалъ примѣрнымъ Царемъ, и во всѣхъ предѣлахъ вселенной, куда шолько доходилъ о немъ слухъ, Онъ наименованъ *Великимъ*.

Величiе добродѣшели есть несомнѣнный залогъ славы.

Первый подвигъ неустрашимосши явилъ Петръ въ защищенiи машери своей Нашалiи Кириловны.

Сильный царедворецъ домогался удалишь изъ царскихъ черпоговъ Царицу Наталiю. Петръ спѣшипъ къ престолу браша своего Өеодора и именемъ Опца своего вступаешся за гонимую добродѣшель. «Если по волѣ шьвоей, сказалъ онъ въ сле-

захъ Ѳеодору, переселяютъ насъ въ другой домъ: Государь! переходи съ нами, будь охранителемъ моей матери, Богъ и отецъ мой поручили ее твоему покрову. А я, слабый отрокъ, что я могу для нее сдѣлать? Съ тобою готовъ жить вездѣ; а изъ дома отца моего и изъ палатъ моего брата никуда не перейду.»

И потомъ, обращаясь къ царедворцамъ, прибавилъ: «Или я не сынъ Державнаго Царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла въ дому отца моего нѣтъ?»

Герой, защитникъ матери, былъ вездѣ Героемъ.

«Петръ, говоритъ Ѳеофанъ: есть наша слава, которою до скончанія міра Россійскій родъ хвалиться не престанетъ.»

Послушный сынъ показалъ и первый примѣръ *второй души* военной службы. Первая душа Вѣра; вторая повиновеніе.

Одинъ изъ нашихъ писателей сказалъ:

«Чтобы со славою намъ въ службѣ показаться:
Такъ надо напередъ умѣть повиноваться.»

Царь Петръ былъ и *рядовымъ*;—Онъ все прошелъ, все узналъ самимъ собою и вникалъ во всѣ нужды человѣческія.

«Вотъ отъ чего войско, по словамъ Ѳеофана, учившееся еще *букварю* военнаго искуства, вскорѣ вступило въ брань съ непріятелемъ, который вездѣ однимъ звукомъ оружія своего наносилъ страхъ и трепетъ.»

Не къ себѣ, но все къ Богу относилъ Петръ Первый и Великій. Передъ походомъ говорилъ Полководцамъ и войскамъ: *Идите съ Божіею помощію.* Увѣнчавшись успѣшнымъ окончаніемъ войны, Онъ вѣщалъ: *Сему одинъ Богъ руководцемъ былъ.*

Для Россіи простиралъ Онъ къ труду державныя руки свои. Трудиться и жить для Петра было подвигомъ нераздѣльнымъ. Но во всемъ, забывая свою личность, Онъ говорилъ: *трудитесь для Бога.*

Много было древнихъ и новыхъ изреченій о драгоцѣнности времени. Но никто лучше Петра не опредѣлилъ ему цѣну. *Пропущенное время*, писалъ онъ, *смерти подобно; оно невозвратно.*

Правосудіе Петра Перваго нераздѣльно было съ человѣколюбіемъ.

Около того времени, когда Карлъ XII вторгшись въ предѣлы Россіи, увѣрялъ, что онъ *только въ Москвѣ будетъ договариваться съ Петромъ о мирѣ:* въ то самое время отъ Короля Шведскаго прибылъ въ Воронежъ нарочный для закупки лѣкарствъ. Петръ Первый узналъ о томъ и далъ полное разрѣшеніе покупать врачебныя пособія.

«Много, говоритъ *Татищевъ* въ духовномъ своемъ завѣщаніи сыну: много я претерпѣлъ зла отъ моихъ недоброжелателей. Но правдолюбивый Государь Петръ Первый, по прозорливой внимательности своей, усмотрѣвъ мою невинность, не только уничтожилъ навѣты клеветниковъ,

но и взыскалъ меня высокими своими милостями. Правда восторжествовала, а клеветники посрамились. Сей Великій Государь показывалъ великолѣпіе свое одними дѣлами.»

Кто были наставниками Петра Перваго? Въ Отечествѣ нѣжная мать; въ Европѣ всѣ царства Европейскія. Научась подъ руководствомъ умной матери все наблюдать, все помнить, перенимать все полезное, онъ собственнымъ потомъ соображеніемъ превратилъ для себя въ ученіе все, что видѣлъ, и въ училища всѣ мѣста, гдѣ былъ.

«Петръ, говоритъ Ѳеофанъ, не учился ни въ какой школѣ, ни въ какой Академіи. Но Академіями ему были грады и страны, республики и Монархіи, и домы царскіе,

въ которыхъ гостемъ бывалъ: учители были ему, хотя и сами про то не вѣдали: Послы и путешественники и угощавшіе его Государи и Правители.

Книги историческія были любимымъ его чтеніемъ. Изъ сего прилѣжнаго чтенія усмотрѣлъ онъ, что созидаетъ крѣпость и силу Державъ. А потому и говорилъ: «Не о себѣ помышляю я; пусть только живетъ Россія вѣрою и благочестіемъ.»

Сія жизнь есть неизмѣнное бытіе царствъ и народовъ.

И такъ повторимъ незабвенныя слова *Ѳеофана*, одного изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго. «*Петръ*, говоритъ онъ, *оставляя насъ, не оставилъ насъ.*»

Онъ жилъ и живетъ въ потомкахъ своихъ:

Онъ живъ!

« Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
Свою Россію обновляетъ,
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Природу духомъ превосходитъ;
Герой въ моряхъ и на земли (1).»

Онъ живъ!... дѣла не умираютъ.

---

(1) Ломоносовъ.

XI.

СПОСОБЪ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО УЧЕНІЯ,

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ЕКАТЕРИНОЮ Второю.

Разсказываютъ, что *Аменофисъ*, а по мнѣнію другихъ *Мемнонъ*, отецъ знаменитаго *Сезостриса*, всѣхъ дѣтей, родившихся въ одинъ день съ его сыномъ, приказалъ привесть въ чертоги свои. Воспитывая ихъ съ попечительностію нѣжнаго отца и соединяя ихъ единодушіемъ и единомысліемъ, онъ старался доставить сыну своему ревностныхъ воиновъ и усердныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

6

Екатерина Вторая болѣе сдѣлала. Тѣ самыя наставленія, которыя предлагала Она и печатала для Порфирородныхъ Внуковъ своихъ; тѣ самыя животворительныя правила издала Она вновь въ общенародномъ букварѣ.

Она хотѣла отдать всѣ сердца и всѣ помышленія народа Вѣнценоснымъ Внукамъ, неоцѣненнымъ Ея сердцу.

Предложимъ сокращенно нѣкоторыя изреченія и правила, излившіяся изъ души Екатерины Великой. Душа не умираетъ, а правила изъявляютъ основаніе дѣяній.

Вопросъ. Что такое должность родителей или хожатыхъ?

Отвѣтъ. Исправлять дѣтей, указывать имъ хорошіе пути, учить полезному; остерегать отъ дурнаго, представлять имъ

ихъ должности, чтобы они послѣ не сказали: *вы насъ не исправляли; вы насъ не учили; вы насъ не остерегали; вы намъ не показывали, какими надлежало намъ идти путями.*

Одинъ Богъ совершенъ.

Всякое дитя родится не ученымъ.

Дитя до семи лѣтъ *младенецъ*, послѣ семи *отрокъ*; а послѣ пятнадцати *юноша*.

Отъ родителей человѣкъ принимаетъ и получаетъ первое благодѣяніе.

Пріятно видѣть отъ брата любовь, отъ друга пріязнь, отъ Государя милость.

Милосердіе, прощая личныя обиды, приноситъ даръ человѣчеству.

Всю силу и преимущество свое употребляйте къ вспомоществованію, а не къ угнѣтенію слабыхъ.

Доброе сердце склонно къ милосердію и снисхожденію; сердце *тѣсное* не способно къ терпѣнію и умѣренности.

Щедрость не считаетъ; она даетъ одною рукою безъ вѣдома другой; она вездѣ находитъ случай давать, а чтобы брать, того и на мысль ей не приходитъ.

Великодушіе сообщаетъ сіяніе всему, къ чему прикасается; скромность сопутствуетъ ему въ счастіи, а въ злополучіи терпѣніе и умѣренность.

Гордость есть несмысліе.

Веселитъ взоры свѣтлое солнце, вдругъ блеснувшее; еще болѣе радуетъ душу человѣкъ благодѣтельный.

Всего пріятнѣе видѣть чувствительную душу, милующую человѣчество.

XII.

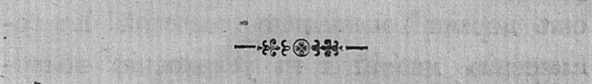
СКРОМНОСТЬ ПАСТЫРЯ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

Тарасій, назначаемый на чреду Патріарха Ириною, уважавшею его добродѣтели, долго сопротивлялся избранію ея. Но Императрица, зная любовь къ Тарасію жителей Константинопольскихъ и полагая, что онъ не откажетъ то народу, въ чемъ отказывалъ ея *желанію*, пригласила народъ во дворецъ. Сей подвигъ вынудилъ Тарасія объясниться, и онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Христіане! выслушайте человѣка, котораго призываете на престолъ Патріаршескій, потому только, что вы его не знаете. Животворясь одинакими чувствованіями съ нашими Государями, вы страшитесь Бога и ищете его славы. Но одинъ Богъ видитъ глубину сердецъ; Онъ одинъ взвѣшиваетъ на вѣрныхъ вѣсахъ добродѣтели и дарованія, ибо Онъ измѣряетъ и посылаетъ ихъ. И такъ могу ли, ослѣпясь дерзскимъ киченіемъ, могу ли посягнуть на ту чреду, которой высота казалась столь страшною сему величественному Апостолу, наперснику таинъ Всевышняго и зрителю Его славы: Апостолу, которому Богъ былъ — наставникомъ, а небеса — училищемъ?... Онъ страшился сего въ то самое время, когда руководствовалъ другихъ на

пути спасенія. А я, рожденный въ мракѣ неизвѣстности; я, который всегда пресмыкался въ прахѣ, увлекаясь непрестанно простыми должностями: съ какимъ лицемъ явлюсь на чредѣ первосвященнической? Мы живемъ во времена бурныя; нуженъ кормчій опытный къ управленію церкви. Наслѣдство Іисуса Христа, основанное на камнѣ непоколебимомъ, къ несчастію подверглось волненіямъ; Западъ проклинаетъ Востокъ; но Востокъ и самъ смущается раздорами. Сколько церквей отдѣлились отъ церкви Константинопольской! Къ соглашенію мнѣній и къ успокоенію волненія страстей нуженъ Соборъ. Сліяніе умовъ просвѣщенныхъ замѣнитъ слабость моихъ способностей. Въ семъ источникѣ обильномъ я почерпну добродѣтели, недо-

стающія мнѣ. И такъ, если Государи наши согласны на соборъ, то я приму званіе Патріарха. Въ противномъ же случаѣ, братіи мои! позвольте, да не предстану нѣкогда, обремененный проклятіемъ и уже осужденный предъ лице сего страшнаго Судіи, изъ рукъ Котораго не исторгнетъ меня ни власть Государей, ни сила всѣхъ народовъ земныхъ.»

XIII.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА АМВРОСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА МОСКОВСКАГО.

Амвросій, преслѣдуемый толпою, ослѣпленною яростію и обуянною виномъ, поспѣшилъ въ церковь. Бунтовщики и туда ворвались. Видя неминуемую погибель, страдалецъ приближился къ престолу Божію, преклонилъ колѣна и воздѣвъ руки къ жертвеннику, со слезами возопилъ: *Господи! остави имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ; не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе*

ихѢ : и яко же смертію Іоны укротилось волненіе моря, тако нынѢ смертію моей да укротится волненіе сего свирѢпствующаго народа.

Такъ вѣщалъ Паспырь великодушный и испилъ чашу смерпи.

XIV.

ЖЕРТВА,

ПРИНЕСЕННАЯ МОСКВѢ

Графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

1771 года Москва страдала и отъ мороваго повѣтрія и отъ безразсуднаго волненія народа, въ слѣдствіе котораго погибъ ревностный Пастырь церкви *Амвросій*. Въ сихъ обстоятельствахъ, Графъ Григорій Григорьевичь Орловъ, обрекая жизнь свою въ жертву для пользы общей, добровольно вызвался ѣхать въ Москву. Екатерина Вторая, бывшая тогда въ пе-

рeпискѣ съ *Волтеромъ*, извѣщала его о семъ случаѣ слѣдующими словами: «Хотя Я и согласилась на усильную просьбу Графа Орлова, но не безъ огорченія. Знаю, какой онъ подвергается опасности.»

Волтеръ отвѣчалъ: «Графъ Орловъ учинилъ истинно геройскій подвигъ. Великодушное его намѣреніе долженствовало поколебать ваше сердце, волнуемое страхомъ и пораженное удивленіемъ. Но удивленіе для васъ есть чувство самое обыкновенное: ибо великія дѣла вамъ болѣе всѣхъ свойственны.»

Графъ Григорій Григорьевичь увѣнчался славою необычайною. Зависть безмолвствовала, а благодарные современники въ полной мѣрѣ оцѣнили великодушный его подвигъ. Одинъ изъ тогдашнихъ перво-

степенныхъ духовныхъ, привѣтствуя Графа съ Новымъ годомъ, препроводилъ къ нему изъ Москвы въ Петербургъ слѣдующее достопамятное письмо:

«Оставя, Ваше Сіятельство, Москву, вы оставили въ сердцахъ всѣхъ ея жителей чувствительнѣйшее сожалѣніе о разлученіи съ вами. Вашими отличными добродѣтелями и благодѣяніями вы плѣнили всѣхъ души. Вы, пребывая съ нами, исполнили все то, что составляетъ вѣрноотечественный духъ. Вы соотвѣтствовали должности честнаго человѣка, оказавъ ближнимъ своимъ столь великіе знаки человѣколюбія. Вы по справедливости заслужили имя ревностнаго гражданина, принося свое щастіе на жертву общему благополучію и подвергая себя той опасности, отъ кото-

рой избавили своихъ согражданъ. Вы своимъ примѣромъ доказали долгъ истиннаго Христіанина, сохранивъ тѣ правила, на коихъ основывается законъ Божій и любовь къ роду человѣческому. Вы своимъ повиновеніемъ, исполняя Высочайшія повелѣнія Августѣйшія нашея Самодержицы, изъявили новый опытъ той вѣрности, которою прямые сыны Отечества обязаны своимъ Монархамъ. Вамъ должно отдать честь величайшаго геройства, потому что вы не имѣли ничего себѣ предметомъ, кромѣ блаженства своихъ соотечественниковъ; ни цѣною, кромѣ сохраненія ихъ жизни. Сократъ видѣлъ и оплакивалъ несчастіе своего Отечества; а вы, узрѣвъ печальную Москву, отерли слезы ея обитателей и возвратили прежнее ихъ благосостоя-

ніе. Симъ образомъ вы отличили себя отъ обыкновенныхъ людей, симъ обязали все общество, которое не остается къ вамъ безъ признанія. Та же самая сила благодарности наполняетъ и мои чувствованія. Къ открытію оныхъ подаетъ мнѣ побудительную причину самое начало Новаго года. Я и всѣ вообще увѣрены, что съ теченіемъ лѣтъ проистекутъ еще сугубыя отъ васъ для любезнаго Отечества благотворительныя услуги. И такъ съ умноженіемъ временъ умножится еще болѣе истинная къ вамъ благодарность.»

—⁂—

XV.

СМЕРТЬ

ГЕНЕРАЛА ВЕЙСМАНА.

18 Іюля 1773 года напалъ на Русскихъ за Дунаемъ *Черкесъ-Паша*. Въ тоже время зашелъ намъ непріятель въ тылъ противъ самой ущелины *Дервентъ*. Главная часть войска и Потемкинъ остались за ущелиною. *Вейсманъ* полетѣлъ на враговъ. Нападеніе было порывистое, сопротивленіе упорное. Густой лѣсъ и узкая тропинка раздѣляли Русскихъ и Турокъ. Русскіе, которые, по словамъ Ломоносова, *проходятъ вездѣ*, гдѣ только вѣтры

могутъ *дуть*, прорвались сквозь чащу лѣса и выстроились на удобномъ мѣстѣ. Турки, мечтая о вѣрной побѣдѣ, не препятствовали движенію нашему. Ихъ было вчетверо болѣе. Русскіе устремились *кареемъ*; конница Турецкая мчалась имъ въ лице, а съ горы гремѣли двадцать четыре орудія. Конница непріятельская, раздраженная отважностію Русскихъ, окружила первый ихъ *фасъ* и тылъ; а пѣхота Турецкая, видя, что нашимъ пресѣчено отступленіе, рынулась въ десяти тысячахъ съ нагорнаго укрѣпленія и ударила на передніе полки и на лѣвое крыло, тѣсня и конницу нашу, прижавшуюся къ пѣхотѣ. Со всѣхъ сторонъ раздалось: *Алла*! Конница Турецкая тѣснила тылъ: пѣхота врывалась въ каре. Гдѣ болѣе опас-

ности, тамъ сильнѣе воспламеняется духъ истинныхъ героевъ. Генералъ *Вейсманнъ* и Полковникъ *Кличка* воскликнули: «солдаты Матушки нашей Екатерины Второй! воины Задунайскіе! съ нами Богъ! впередъ: умремъ или побѣдимъ! Насъ мало; но Русскіе не привыкли считать враговъ.» Загремѣло: ура! Тронулись, двинулись, устремились полки Русскіе. Конница наша, съ помощію запасныхъ отрядовъ и пушекъ, погнала конницу Турецкую. Воздухъ огласился кликами побѣдоносными. Но, какъ ненадежны всѣ торжества въ семъ мірѣ превратномъ! Между тѣмъ, когда Русскіе привѣтствовали другъ друга съ новою славою, Герой *Вейсманнъ* низвергся въ мракъ смерти въ сіяніи побѣды своей.

Державинъ увѣковѣчилъ сей случай въ *Водопадѣ* своемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

« Когда багровая луна
« Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
« Дуная мрачная волна
« Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи
« Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
« И слышенъ стонъ—что Турокъ мнитъ.

« Дрожитъ—и во очахъ сокрытыхъ
« Ему еще штыки блестятъ;
« Гдѣ сорокъ тысячь вдругъ убитыхъ
« Вкругъ гроба *Вейсманна* лежатъ. »

Воины Русскіе уважали Героя *Вейсманна* за личную его храбрость и за любовь къ подчиненнымъ. Были у него завистники, но онъ всѣмъ усердствовалъ

7*

отдавать справедливость. Ни один подвиг ввѣренныхъ ему воиновъ не укрывался отъ его вниманія. Себя умѣлъ онъ забывать, а другихъ всегда помнилъ. Послѣ смерти нашли въ мундирномъ его кармане списокъ *отличившихся* въ прежнихъ битвахъ. *Вейсманнъ*, такъ сказать, приближалъ къ сердцу всѣхъ сподвижниковъ своихъ. Славна была его смерть и незабвенно уваженіе его къ заслугамъ другихъ. Безпристрастіе есть добродѣтель трудная; но она была главною добродѣтелью Вейсманна.

Вздохнулъ; взглянулъ; земной оста-
вилъ прахъ
и пробудился въ небесахъ!.

XVI.

ГРОБНИЦА МЛАДЕНЦА.

Какое существо покрыто симъ камнемъ? Чистая бѣлизна, кажется, есть знаменіе невинности!... Подойдемъ.... Тутъ лежитъ младенецъ. Ахъ! въ одно мгновеніе получилъ онъ и отдалъ душу нѣжную и жизнь скоротечную. Онъ не зналъ горестей и скорби; на одинъ мигъ пріостановился онъ у преддверія бытія; очистился, изрекъ внезапно быстрое прощаніе и времени и землѣ, и изъ колыбели устремился въ гробницу. Что же предвидѣлъ онъ въ нашемъ мірѣ и столь горест-

наго и столь нестерпимаго, что совершилъ столь поспѣшный полетъ? Уже ли сей юный гость, отвѣдавъ сосудъ жизни, ощутилъ чрезмѣрную его горечь и, отвратясь отъ него, не захотѣлъ болѣе вкушать? Оскорбленный симъ первымъ опытомъ, онъ бѣжалъ отъ сего міра въ тишину могильную, которая показалась ему и пріятною и безмятежною.

Счастливый и быстротечный путникъ, едва оставилъ ты берегъ и уже вступилъ въ пристань! Болѣе тебя однако достойны счастія тѣ, которые преодолѣли волны и бури долговременнаго и опаснаго плаванія; которые облегчали тернистый путь соучастниковъ въ ихъ трудахъ и буряхъ и завѣщали примѣръ мужества.

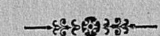
Счастливый младенецъ! ты не зналъ, не зналъ той грызущей скорби, которая столь часто исторгаетъ вздохъ, даже изъ сердца самаго мужественнаго! Ты не чувствовалъ убійственныхъ стрѣлъ, оставляемыхъ въ нашихъ сердцахъ напоминаніемъ прошедшихъ радостей.

Печальные родители! отложите одѣяніе скорби, и отрите слезы ваши! Не огорчайтесь! — младенецъ вашъ увѣнчался побѣдою, не вступая въ борьбу съ жизнію? Можетъ быть Верховный Распорядитель судьбы человѣческой предвидѣлъ въ будущемъ какія-нибудь неизбѣжныя сѣти, гдѣ погибла бы его юность, или хотѣлъ спасти его отъ ужасныхъ превратностей, ожидавшихъ его на поприщѣ

жизни. Почто жаловаться на отеческую Его заботливость? Въ чемъ вы укоряете Его? Онъ взялъ юный и нѣжный цвѣтъ подъ осѣненіе щита Своего, взялъ тогда, когда не грянули еще удары громовые и не зашумѣли бурныя непогоды. Ахъ! вспомните, что сей милый младенецъ не погибъ, онъ охраненъ только отъ злополучія и порывовъ страстей.

А мы! оставшіеся переносить и тягость дня и зной полуденный, мы не должны предаваться унынію. Не забудемъ, что слава увѣнчиваетъ подвигъ, и что, чѣмъ долговременнѣе битва, тѣмъ блистательнѣе побѣда. Властитель жребія нашего, наградитель нашего труда умѣетъ его оцѣнять. Вооружимся постоянствомъ,

совершимъ назначенный намъ путь и съ младенческою довѣренностію будемъ ожидать награды въ селеніяхъ общаго нашего Отца.

XVII.

ОТЪѢЗДЪ

СЫНА СУВОРОВА ВЪ ИТАЛІЮ.

Юный Суворовъ, отправляясь въ Италію, находился при молебствіи, происходившемъ по случаю новыхъ побѣдъ великаго его отца, гремѣвшаго оружіемъ тамъ, гдѣ нѣкогда славились *Сципіоны* и *Аннибалы*. Вдругъ слышитъ онъ сіи слова, произнесенныя діакономъ въ концѣ молебствія: *Высокоповелительному Графу Суворову-Рымникскому многія лѣта!*

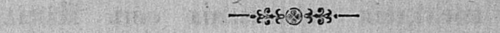
Въ радостныхъ слезахъ и душевной благодарности, молодой Графъ бросился къ Государю, поцѣловалъ руку, хотѣлъ что-то сказать, но восхищеніе и слезы остановили его слова.

Потомъ, когда Графъ пришелъ принять послѣднія приказанія отъ Павла Перваго, Императоръ ему сказалъ: «Похвальна весьма привязанность къ отцу. Поѣзжай и учись у него. Лучше примѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать — не могу.»

—⊰⊱⊛⊰⊱—

XVIII.

ПИСЬМО ОБЪ ИСПАНІИ ГРАФА КРЕЙЦА КЪ МАРМОНТЕЛЮ.

Любезный другъ!

Я хотѣлъ тебя забыть, но не могъ. Къ несчастію моему—друзья мои всегда со мною; они въ моихъ мысляхъ, они въ моемъ сердцѣ. Прелестные ужины Госпожи *Гофрень* мечтаются мнѣ среди мрачныхъ Мадритскихъ собраній, и хотя Испанцы не требуютъ, чтобъ ихъ веселили, но Парижъ такъ сильно волнуетъ мою голову, что я надоѣдаю и самой скукѣ.

Храбровъ, Поручикъ удалой,
Перо взялъ вмѣсто острой шпали;
Онъ пишетъ прозой площадной—
И поминай какъ звали.

*

Красавина замолкла вдругъ.
Увы! красы ея увяли.
Оставила бонтонный кругъ—
И поминай какъ звали.

*

Раиса съ мужемъ развелась,
За то, что не купилъ ей шали;
За свѣтомъ моднымъ поплелась—
И поминай какъ звали.

*

Смиренинъ свѣтскій человѣкъ,
Большой охотникъ до морали,
А самъ дурачится весь вѣкъ—
И поминай какъ звали.

Ѳ. Соловьевъ.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ.

(А. Ф. П.)

Мнѣ не нужны ваши ласки,
Мнѣ не нуженъ вашъ привѣшъ,
И обманчивые глазки
Разлюбилъ давно Поэшъ!

*

Было время—онъ плѣнялся
Вашей милой красошой.
Даже пламенно влюблялся
Въ глазки дѣвы молодой.

*

Но шеперь онъ равнодушенъ
Къ наслажденьямъ бышія,
И судьбѣ одной послушенъ,
Какъ покорное дишя.

Такъ ему не нужны ласки,
Какъ холодный вашъ привѣтъ—
И въ обманчивые глазки
Не влюбляется Поэтъ! . . .

И. Ивановъ.

ВАСИЛЕКЪ.

Посвящаетпся Н... Г... Л.

Вчера я спрашивалъ у Нины:
Какой любимый швой цвѣшокъ?
—Люблю я розы и ясмины,
Но всѣхъ милѣй мнѣ василёкъ.
За чѣмъ же я не василёчикъ?
Я прошепшалъ въ душѣ моей;
Любимый Ниною цвѣшочикъ
Увялъ бы на груди у ней.
Такъ я пишалъ мечшы злашыя;
Ихъ Нина скоро поняла
И очи шомно голубые
Съ слезою къ небу возвела.

М. В—ій.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ненаглядная,
Безсравненная,
Моя душечка,
Красна дѣвица,
Ты постой, постой,
Погоди ходить,
Побесѣдуй-ка
Съ добрымъ молодцомъ.

***

Нѣтъ, касатикъ мой,
Мнѣ никакъ не льзя
Побесѣдовать
Съ тобою молодцомъ —
Грозенъ батюшка,
Грозна матушка,
Запрещаютъ мнѣ,
Красной дѣвицѣ,

Ненаглядная,
Безсравненная,
Моя душечка,
Красна дѣвица,
Ты постой, постой,
Погоди ходить;
Поиграй со мной
Съ добрымъ молодцомъ.

* *
*

Нѣтъ, касатикъ мой,
Мнѣ никакъ не льзя
Поиграть съ тобой,
Съ добрымъ молодцомъ—
Стыдъ дѣвическій
Не велитъ играть
Мнѣ съ ребятами,
Красной дѣвицѣ.

* *
*

Ненаглядная,
Безсравненная.
Моя душечка,
Красна дѣвица,

Ты постой, постой,
Погоди ходить,
Подари кольцо
Добру молодцу.

* *
*

Нѣтъ, касатикъ мой,
Мнѣ никакъ нельзя
Подаришь кольцо
Тебѣ молодцу.
Кольцо дорого—
Съ руки милаго
Мнѣ досталося ,
Красной дѣвицѣ.

* *
*

Ненаглядная,
Безсравненная,
Моя душечка ,
Красна дѣвица,
Ты постой, постой,
Погоди ходить;
Полюби меня ,
Добра молодца.

Нѣтъ, касатикъ мой,
Мнѣ никакъ нельзя
Полюбить тебя,
Добра молодца—
Ужъ сердечушко
Давно выбрало
Друга милаго
Красной дѣвицѣ. —

Ѳ. Соловьевъ.

Не должно клеветать на человѣчество. Народъ Испанскій великодушенъ, кротокъ, чувствителенъ; онъ даже и трудолюбивъ тамъ, гдѣ природа и нравственность не полагаютъ преграды. Въ областяхъ Сѣверныхъ, на пр. въ *Галиціи* и *Астуріи*, гдѣ дышутъ не такимъ палящимъ воздухомъ, гдѣ законы не вовсе еще безсильны, удобреніе полей усовершенствовано, рудники разработываются и берегъ наполненъ матросами.

Въ *Каталоніи*, освѣжаемой вѣтрами Средиземнаго моря, поля цвѣтутъ такъ, какъ и въ *Лангедокѣ*, и представляютъ видъ веселой и оживленный. Народъ расторопный, умный и промышленный соединяетъ удовольствіе съ трудомъ. Ремесленники изъ рабочей комнаты своей бѣ-

гутъ въ маскерадъ, гдѣ въ маскерадныхъ нарядахъ показываютъ тотъ изобрѣтательный и романическій умъ, которымъ отличались Мавры, прежніе обладатели Испаніи.

Валенція есть краса природы! Все въ ней кажется мечтою: очаровательные замки ея суть монашескія обители, великолѣпно сооруженныя въ прелестныхъ уединеніяхъ, которыя, кажется, созданы для того, чтобы человѣкъ забывалъ горести, нераздѣльныя съ человѣчествомъ. У подножій горъ, защищающихъ сію страну отъ западныхъ вѣтровъ, я встрѣтилъ сады. Съ вершины горъ стремятся тысяча ручейковъ сквозь рощицы гранатныя, лавровыя и апельсинныя. Древніе Греки называли эти мѣста *жилищемъ боговъ*.

Прохладная тѣнь, журчаніе водъ, ароматы благовонныхъ деревъ, земля, убранная гіацинтами, розами и другими цвѣтами: все это возбуждаетъ въ васъ то сладостное ощущеніе, которое юность чувствуетъ при чтеніи романовъ, и которое печальный опытъ изгоняетъ изъ сердца человѣческаго.

Но какъ различны Кастилія и Манхія! Тамъ видишь горы ужасныя, живо изображающія разрушеніе природы и міра, поверженнаго въ развалины.

Тутъ владычествуетъ зима даже и среди лѣта. Иногда взоръ утомляется обширными полями, которыя уподобляются песчаному океану, представляющему неровностями своими изображеніе волнъ мо-

ря разъяреннаго. Печальный взоръ тщетно устремляется въ отдаленность, гдѣ бы отдохнуть на зелени въ тѣни; онъ встрѣчаетъ одинъ нагій небосклонъ и города пустынные. Несносные жары, продолжающіеся шесть мѣсяцовъ, также душны, какъ и въ степяхъ *Сары* и *Билед-ульгериды*. Люди, угнетенные зноемъ и почти уничтоженные, работаютъ съ болѣзненнымъ ощущеніемъ и находятъ отраду въ одномъ успокоеніи. Они просидѣли бъ цѣлую вѣчность; дѣятельность—для нихъ мученье.

Среди сихъ безплодныхъ полей возносится Мадритъ. У города струится почти непримѣтный источникъ, котораго величаютъ названіемъ рѣки. Городъ хорошо расположенъ, улицы широкія, чис-

пыя и украшенныя водометами. Домы высокіе и обширные, въ одно время поражаютъ васъ и картиною величія и нищеты. Кажется, будто бы они сооружены для помѣщенія цѣлаго народа; но они едва убраны.

Распредѣленіе комнатъ выдумано какимъ нибудь тайнымъ врагомъ порядка и устройства. У вельможъ есть помѣстья, или лучше сказать, владѣнія, которыхъ они никогда не видали. Они лучше хотятъ скучать въ своихъ замкахъ, гдѣ окружаютъ ихъ толпы наемниковъ, уныло прислуживающихъ имъ на колѣняхъ. Они выѣзжаютъ или для того, чтобы тѣснитъся при дворѣ безъ всякаго дѣла, или чтобы зѣвать на гуляньѣ. Тамъ обременены они праздностью своей въ скаредныхъ каре-

тахъ, украшенныхъ оловянными листочками. Тайные расходы и мѣлкая роскошь поглощаютъ несмѣтныя ихъ богатства. Герцогъ *Аркосъ* раздаетъ жалованья своимъ слугамъ ежегодно триста тысячь франковъ. У Герцога *Медины-Цели* доходу десять милліоновъ *реаловъ*, и онъ по уши въ долгахъ. Однако хотя дворянство не воспитано, но у дворянъ есть что-то величественное въ сердцѣ: во всѣхъ ихъ поступкахъ изъявляются благородство, откровенность и честность.

Они чрезвычайно вѣжливы и привѣтливы съ иностранцами. Герцогъ *Медини-Цели*, человѣкъ отличныхъ достоинствъ. Онъ любитъ ученыхъ людей, уважаетъ ихъ и принимаетъ въ общество свое. Со-

жалѣя о невѣжествѣ народа, онъ признается, что это зло неисцѣльное.

Теперешній Король дѣйствительно великій Государь. Правленіе его твердое. Передъ нимъ трепещутъ и Министры и любимцы. Выборъ ихъ доказываетъ его умъ и глубокое познаніе людей и обстоятельствъ. Онъ водворилъ порядокъ въ различныя вѣтви государственнаго управ_ленія; украсилъ столицу, устроилъ лучшія дароги въ Европѣ; возвеличилъ званіе воинское, заплатилъ тридцать два милліона долгу за своего предшественника и обратилъ въ ничто власть *инквизиціи*. Это ужасное судилище, устрашавшее даже и Царей, есть теперь ничтожный призракъ, котораго и дѣти не боятся. Но въ одинъ мигъ не льзя перемѣнить ни зло-

употребленій, вкравшихся въ правленіе, ни духа, ни нравовъ народныхъ.

Новый Мадритскій дворецъ и загородные домы суть истинно царскія жилища. Сады *Сентъ-Ильденфонскіе* чудесны и очаровательны; они насажены въ пропастяхъ на скатѣ ужасной *Гадамаскарской* горы, которой вершины всегда покрыты снѣгомъ. Красота и великолѣпіе водометовъ превосходятъ водометы Версальскіе и Марлійскіе. Съ банями Діанинскими ничто въ свѣтѣ не можетъ сравниться. Сады стоили сорокъ пять милліоновъ піастровъ.

Ескуріалъ, зданіе обширное, простое и величественное. Король тутъ живетъ среди монаховъ, могилъ и гробовъ. Здѣсь собраны лучшія картины Фламандской и

Ипаліанской школы. Библіопека опличаепся однѣми Греческими и Арабскими рукописями.

Пантеонъ или мѣспо погребенія Царей пышноспію своею внушаепъ во всѣхъ ужасъ. Зодчеспво величеспвенно, но мрачно. Оно упопребляло полько рѣдкіе мраморы. Гробницы древняго зеленаго цвѣпа;—глаза поражены, но волосы вздымаюпся на головѣ, и пупъ вполнѣ чувспвуешь, чпо эпо жилище смерпи.

Аранжуецъ очаровапеленъ: онъ поржеспво искуспва и природы. Рѣка *Тагъ*, приведенная подъ окна дворца, соспавляепъ прелеспнѣйшій водомепъ въ свѣпѣ. Деревья Королевской *аллеи*, проспирающейся вдоль *Тага* на версту, посажены

Карломъ Пятымъ. Нигдѣ нѣтъ деревъ такихъ высокихъ, кромѣ Индіи. Вершины ихъ теряются въ облакахъ и тѣнью своею образуютъ своды, непроницаемые зноемъ солнечнымъ. Безчисленныя *гульбища* представляютъ такую же свѣжесть и сады живописные.

У Короля великолѣпная охота въ *Пардо*, въ *Сентъ-Ильденфонсѣ* и въ *Ескуріалѣ*. На послѣдней травлѣ я видѣлъ болѣе шести тысячь звѣрей, которые, подобно многочисленному войску, стеклись на обширномъ полѣ. Шумъ, производимый ими, казался ревущимъ громомъ: но что за удовольствіе стрѣлять по толпѣ, которой не куда скрыться?

Въ уѣздахъ нравы еще чисты. Крестьяне отличаются гордостію, терпѣніемъ и

умѣренностію. Пляски и пѣсни, называемыя *сегидиляссами*, плѣняютъ, восхищаютъ, и какъ будто бы переносятъ во времена золотаго вѣка.

Сраженія съ быками напоминаютъ игры Римскія. Съ яростію сихъ животныхъ можетъ сравниться одна только отважность, легкость и ловкость *торрерасовъ*, то есть бойцевъ.

Прошедшаго лѣта, въ Аранжуецѣ, одинъ человѣкъ, съ одною только веревкою, приближился къ свирѣпому быку, набросилъ веревку на рога его, быстро обкрутилъ ею столбъ и прикрѣпилъ къ нему голову быка. Животное реветъ и роетъ землю ногами; отважный боецъ накидываетъ сѣдло на быка, вскакиваетъ, отрѣзываетъ ве-

ревку, и на этомъ яростномъ быкѣ пустился въ бой съ другимъ сопротивникомъ.—Тутъ разительно ознаменовывается превосходство человѣка и сила ума надъ силою слѣпою.

Не сердись на длинное мое письмо, и скажи нашимъ друзьямъ, что, не смотря на то, что я въ области жаровъ, но сохранилъ прежнюю чувствительность, и что друзья мои составляютъ мою вселенную.

—⁂❁⁂—

XIX.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ДРЕВНЯГО РИМА.

Что влечетъ Римлянъ къ битвамъ и сгоняетъ миръ съ лица земли? Зависть непреклонная; приговоръ судьбы, чтобы не было ничего постояннаго въ мірѣ; паденіе, причиняемое непомѣрною тяжестію: наконецъ Римъ увлекается къ битвамъ, потому, что не въ силахъ переносить бремени исполинскаго своего величія.

Римъ основанъ былъ на развратѣ. Къ распространенію его предѣловъ', Ромулъ училъ Римлянъ хищничеству.

Римляне защищали слабыхъ единственно для того, чтобы съ помощію ихъ утѣснять сильныхъ.

Усилясь завоеваніями и побѣдами, Римъ простеръ длань на вселенную. Но непомѣрное величіе разрушается само собою. Судьба никакого народа не избирала къ потрясенію Рима. Римъ самъ вооружился противъ себя. Союзъ *Тріумвировъ* былъ для него пагубнѣе всемірной войны. Что же значили добычи, похищенныя Римомъ во вселенной?

Римъ почти былъ всегда въ раздорѣ съ Римомъ. Народъ завоевывалъ земли, вельможи похищали ихъ. Граждане, которыхъ поля опустошались врагами, подвергались долгамъ, а отъ долговъ учинялись рабами.

Римъ тогда былъ силенъ, когда въ немъ уважалась бѣдность. *Цинцинатъ* плугомъ обрабатывалъ ниву свою, а мечемъ защищалъ Римъ. Имя его пережило имена завоевателей. Въ соединенныхъ областяхъ Сѣверной Америки во имя его учрежденъ *почетный знакъ*.

Царства цвѣтутъ земледѣлiемъ, а потрясаются отъ роскоши. Римъ палъ подъ бременемъ всемiрныхъ сокровищъ.

—✻—

XX.

НРАВСТВЕННЫЯ
И
ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗРЕЧЕНІЯ.

Отъ чего не примѣчаемъ мы судебъ Вышнихъ?–Отъ маловѣрія нашего.

(Ираклитъ).

«Я желаю, говорилъ *Пиндаръ*: желаю жребія простаго и неблестящаго. Человѣкъ простой и миролюбивый, достигнувъ даже и вышняго степени счастія, уклоняется отъ стрѣлъ злорѣчія. Сей безмятежно-счастливый смертный, приближается ли къ послѣднему и мрачному рубежу

жизни? Что славнѣе его смерти! Онъ передаетъ душевнымъ своимъ друзьямъ самое прочное наслѣдство ; онъ передаетъ имъ—славу добраго имени.

«Смертный! не возносись надъ жребіемъ человѣчества. Изъ *сѣмени* дерзости произрастаетъ *колоссъ* злополучія и собирается *жатва* слезъ.

Пиндаръ.

«Смертный! уважай олтарь правосудія; почитай родителей ; соблюдай уставы гостепріимства. Кто добровольно хранитъ правосудіе, тотъ не можетъ быть несчастливъ и никогда вовсе не погибнетъ.»

Есхилъ.

Есхилова трагедія, названная *Семь вождей*, подала случай къ торжеству правоты *Аристида*. Въ ней находятся сіи слова:

« Онъ не казаться только, но дѣйствительно желаетъ быть честнымъ человѣкомъ. Онъ пожинаетъ плоды глубокаго своего ума, который животворится всѣми чистыми чувствованіями величія и всѣми правилами мудрости. » Едва произнесены были сіи слова, взоры всѣхъ зрителей обратились на *Аристида* и загремѣли повсемѣстныя рукоплесканія.

Вотъ самая лучшая слава,—слава, пріобрѣтенная правотою.

XXI.

АРМЯНЕ.

Недавно во Франціи ученый *Шабанъ де Сирбидъ* издалъ извлеченіе изъ двухъ сотъ Армянскихъ Грамматикъ, сочиненныхъ Армянами. Онъ предлагаетъ не только правила сего языка, но источники, изъ которыхъ проистекли слова и образовались, что весьма полезно для *сравнительной исторіи языковъ*.

Сношеніе Европейцевъ съ Армянами полезно потому, что оно соединяетъ ихъ съ народомъ просвѣщеннымъ, ученымъ и занимающимъ третію часть Азіятской

Турціи. «Армяне, говоритъ *Малтъ-Брюнъ*, изгнанные изъ Франціи мнимою политикою Людовика XIV, были истинными основателями *Англійской Индѣйской компаніи.* Ихъ торговая промышленность, владычествуя во всей Оттоманской Державѣ, простирается за предѣлы *Самарканда*, *Бухаріи* и даже переходитъ въ крайнюю областъ Восточную, куда трудно проникать Европейцамъ. Одни Армяне могутъ изслѣдовать и объяснить *средину Азіи.* Въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ Арменія была просвѣщеннѣйшею Христіанскою областію.

XXII.

ПОДВИГИ

РУССКИХЪ ВЪ ПЕРСІИ,

ВЪ РАЗЛИЧНЫЯ ВРЕМЕНА.

Получая радостныя вѣсти о славѣ новыхъ нашихъ Героевъ, сражающихся съ Персіянами въ царствованіе ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ Перваго, пріятно вспомнить, что они идутъ по слѣдамъ воиновъ ПЕТРА Перваго. Приведемъ нѣкоторые примѣры о неустрашимости и о непоколебимой ихъ вѣрности къ Государю и Отечеству. Праху мертвыхъ не льстятъ; ихъ судятъ по

дѣламъ. Новые Герои, видя признательность нашу къ предкамъ; видя, что по славѣ дѣлъ своихъ они живутъ еще съ нами, могутъ сказать: «и нашихъ дѣлъ не забудутъ, и мы будемъ жить въ сердцахъ потомковъ!»

XXIII.

ОТВѢТЫ

Полковника Шипова тремъ Визирямъ при ПЕТРѢ Первомъ (1).

Визирь, находившійся въ *Рящѣ*, куда вступилъ Полковникъ Шиповъ съ небольшимъ числомъ Русскихъ, и два другіе Визиря *Кескерской* и *Астаранской*, имѣя подъ предводительствомъ своимъ пятнадцать тысячь войска, требовали, чтобы Русскіе оставили Рящe, прибавляя,

---

(1) Смот. Записки Ѳедора Ивановича *Соймонова*.

что отъ возмутителя Персіи они сами въ состояніи защищаться, и что если Русскіе не выйдутъ добровольно, то принудятъ ихъ силою. Полковникъ Шиповъ отвѣчалъ: «Не мы тому виною, что сюда пришли; *Визирь* и жители города Ряще призвали насъ къ защитѣ ихъ. Ни я, ни войско ничего не сдѣлали противнаго здѣшнему народу.»

«Всероссійскій Императоръ послалъ насъ сюда въ явное засвидѣтельствованіе дружбы своей къ Шаху Персидскому и его Державѣ. Государь потребуетъ насъ, если представятъ Ему, что мы уже не нужны; безъ воли Его не тронусь съ мѣста.»

Полковникъ Шиповъ прибавилъ, что онъ можетъ только то сдѣлать, чтобы спер-

ва послать въ *Дербентъ* на судахъ всѣ тягости, по возвращеніи же судовъ идти туда самому съ войскомъ.

Персіяне обрадовались сему отвѣту, надѣясь, что вскорѣ отправлены будутъ пушки, которыя крайне ихъ устрашали. Шиповъ, соединяя благоразуміе съ точнымъ исполненіемъ препорученій Государевыхъ, вмѣсто отсылки пушекъ приготовлялъ суда къ отъѣзду Капитана-Лейтенанта Соймонова, которому надлежало окончить описаніе мѣстъ при устьѣ рѣки *Куры* и оттуда ѣхать въ Астрахань.

Персіяне узнавъ, что Соймановъ пустился въ море, не взявъ на суда никакихъ тягостей, еще настоятельнѣе понуждали Шипова выступить изъ *Ряще*.

Шиповъ отвѣчалъ: «Я выдти не могу: у меня только три судна, на которыхъ и четвертая часть войска не умѣстится. Не склонюсь на понужденія ваши, пока не увѣдомлюсь, согласно ли вы поступаете съ волею Шаха.» Черезъ нѣсколько дней Персіяне показывали ему указъ, увѣряя, что онъ отъ Шаха присланъ. Шиповъ сказалъ: «Подлинный ли это или ложный указъ, но я не выступлю; исполню, что предписано мнѣ моимъ Государемъ.» — Мы нападемъ всѣми силами, возразили Персіяне. — *А я обороняться буду*, отвѣчалъ Русской Полковникъ.

XXIV.

ПОДВИГЪ

РУССКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ

при Императорѣ АЛЕКСАНДРѢ Первомъ (1).

1803 Года 2 Августа въ ночь, на послѣднемъ переходѣ къ Елисаветополю Князь Циціановъ получилъ отъ Полковни-

(1) Смот. журналъ подъ заглавіемъ: *Историческіе отрывки.*

ка Корягина донесеніе, что приближаясь къ Загаму 27 числа Іюля и дойдя въ ночь до рѣки Загамъ, былъ онъ встрѣченъ съ противнаго берега сильнымъ непріятельскимъ ружейнымъ огнемъ. Непріятель по видимому употреблялъ всѣ силы свои, чтобъ не допустить Полковника Корягина переправиться на ту сторону, и тѣмъ самымъ воспрепятствовать подать помощь окруженному Персіянами обозу. Вся артиллерія, находившаяся при отрядѣ Полковника Корягина, была выставлена впередъ; а между тѣмъ, когда безпрерывные пушечные выстрѣлы приводили непріятельскіе ряды въ безпорядокъ. Посланные охотники, бросясь на сопротивниковъ, заставили ихъ отступить отъ берега. Тогда весь отрядъ, переправясь чрезъ рѣку и сдѣ-

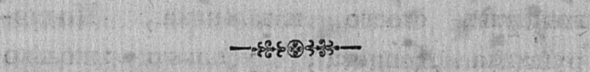
лавъ каре, ударилъ столь стремительно на непріятельскую конницу, что она, не взирая на отчаянное сопротивленіе, была обращена въ бѣгство, и нашъ отрядъ преслѣдовалъ ее три версты. 28 Числа на разсвѣтѣ, когда войска наши приближались уже къ обозу, были они вторично встрѣчены непріятельскимъ огнемъ изъ шанцевъ и изъ построенныхъ ими батарей, которыя на полружейной только выстрѣлъ были отъ фасовъ Вагенбурга. Опять посланные охотники, подкрѣпляемые всѣмъ баталіономъ каре, вытѣснили непріятеля изъ шанцевъ. Не взирая на сію неудачу, Персіяне съ отчаяніемъ защищали мѣста свои цѣлые два часа; но удачные пушечные выстрѣлы съ нашей стороны, занятіе егерями одно-

го важнѣйшаго возвышенія, и наконецъ потеря мѣстоположенія рѣшили совершенную побѣду надъ непріятелемъ, который, собравъ съ поспѣшностію свой лагерь и оставя множество припасовъ и разнаго рода *экипажа*, бѣжалъ къ Асансу. Преслѣдовать его безъ конницы было не возможно.—При семъ сраженіи, въ которомъ непріятель имѣлъ слишкомъ 20,000 войска, уронъ съ нашей стороны состоялъ въ одномъ мушкатерѣ и 3 драгунахъ, да ранено вообще 11 человѣкъ. По словамъ бѣжавшаго отъ непріятеля Грузина, уронъ съ непріятельской стороны долженъ быть весьма великъ; ибо убито и ранено 6 Хановъ. При вытѣсненіи изъ шанцевъ раненъ тяжело Царевичъ Теймуразъ.—Во-

обще убитыхъ найдено на мѣстѣ сраженія 56 человѣкъ.

Не льзя умолчать о неустрашимости и мужествѣ Офицеровъ и нижнихъ чиновъ, бывшихъ у прикрытія обоза. Находясь въ крайнемъ положеніи, окруженные со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ, потерявъ своего начальника, Подпорутчика Донцева, убитаго только Прапорщика Плапковскаго, захваченнаго въ плѣнъ; потерпѣвъ уронъ въ 73-хъ челоловѣкахъ убитыхъ и 32-хъ раненыхъ, совершенно отрѣзанные отъ воды и имѣя уже только по 4 патрона, они не согласились ни на какія предложенія Персіянъ; но въ теченіи 7 дней, томясь голодомъ и жаждою, ежедневно сражались, не измѣняя старинной поговоркѣ

Россійскаго воинства: — *Богъ съ нами : никто противъ насъ!* — Они съ мужествомъ устояли противъ непріятеля до прибытія къ нимъ на помощь Полковника Корягина.

XXV.

ВЗЯТІЕ

КРѢПОСТИ ЛАНКОРАНА

31 Декабря 1812 года Генераломъ Котляревскимъ.

Герой Грузіи, увѣнчанный свѣжими лаврами, пожатыми за *Аракомъ*, при отважномъ нападеніи на *Абасъ-Мирзу* и при взятіи его стана: Генералъ *Котляревскій* съ храброю дружиною Русскихъ воиновъ приступилъ 26 Декабря 1812 года къ *Ланкорану*, укрѣпленному по образцу Европейскихъ крѣпостей, и гдѣ было около пяти тысячь Персіянъ, Котляревскій требовалъ сдачи крѣпости у

Сардара Садыхъ Хана. Кичливый Ханъ отвѣчалъ, что онъ будетъ защищаться. Къ нанесенію важнѣйшаго вреда крѣпости, 27 Декабря свезана была съ корабля трехпудовая *мортира*, изъ которой продолжалась бомбандировка до 29 числа. Слава украшается человѣколюбіемъ. По опыту предшествовавшихъ побѣдъ, *Котляревскій* увѣренъ былъ, что Персіяне не устоятъ, и что оружіе Русскихъ снова обагрится ихъ кровію. И такъ вторично отправилъ онъ чиновника ко всѣмъ *Ханамъ* и убѣждалъ ихъ: « чтобы они пощадили себя, женъ, дѣтей, имущества и не упорствовали бъ защищаться противъ войскъ побѣдоносныхъ. » Гордый врагъ отвѣчалъ—однимъ безмолвіемъ.

Между тѣмъ снаряды истощались. Ма-

лочисленной дружинѣ Русскихъ оставалось или *побѣдить* или *умереть*. Отступленіе повлекло бы за собою голодъ и безполезную погибель: ибо непріятель безпокоилъ бы наши войска по всѣмъ дорогамъ. Сверхъ того въ руки Персіянъ навсегда бы досталось *Талышинское владѣніе*. Въ сихъ обстоятельствахъ, Герой, призвавъ на помощь Бога, рѣшился штурмовать.

«Воины!» сказалъ онъ: «тщетно убѣждали мы непріятеля къ сдачѣ крѣпости. Мы не желали его погибели, онъ самъ стремится къ ней. Намъ остался одинъ *штурмъ*. Отступленія не будетъ. Намъ должно или взять *Ланкоранъ* или умереть. Мы за тѣмъ сюда пришли. Непріятель два раза отвергъ наши предложенія:

онъ узнаетъ силу Русскаго штыка. Русскіе брали и не такія крѣпости. Воины! послушаніе и быстрый полетъ на стѣны сохранятъ людей и скорѣе рѣшатъ жребій приступа. Въ царствованіе Александра Перваго правило Русскихъ: побѣждать или умереть. Умремъ или побѣдимъ! съ нами Богъ!»

Декабря 31 начался *штурмъ* и продолжался три часа. Персіяне употребляли всѣ неистовыя средства, рогатины, пики, ручныя гранаты; употребли все — но тщетно. Самъ Богъ вступился за правоту и невинность. Онъ наказалъ Персіянъ, захватившихъ *Талышинское владѣніе*. Непріятель погибалъ и въ стѣнахъ крѣпости и въ рѣчкѣ *Алькоранѣ*, гдѣ думалъ спастися вплавь. Пули и штыки вездѣ его настигали. Высокомѣрный *Сар-*

дарѣ Садыхѣ Ханѣ, родственникъ *Баба-Хана*, за упорство свое заплатилъ жизнію. Тысяча пять сотъ Русскихъ низложили и стѣны крѣпости и четыре тысячи Персіянъ. Въ числѣ Русскихъ чиновниковъ убитъ былъ храбрый Полковникъ *Ушаковѣ*, а Генералъ *Котляревскій* получилъ три раны: «Но, писалъ Герой, я благодарю Бога, запечатлѣвшаго успѣхъ сего дѣла собственною моею кровію; надѣюсь, что сей же самый успѣхъ облегчитъ мои страданія (1).»

Персіяне почитали неприступною крѣпость *Ланкорань*, устроенную на Каспій-

---

(1) Подлинныя слова Генерала Котляревскаго, изъ донесенія его тогдашнему Главнокомандующему въ Грузіи Н. Ѳ. Ртищеву.

скомъ морѣ, при впаденіи въ оное рѣчки *Ланкорани.* Абасъ-Мирза предписывалъ защищать до послѣдней капли крови сей *ключь къ сердцу Персіи.* Онъ самъ поспѣшалъ къ ней на помощь. Но, узнавъ, что нѣтъ *Ланкорана,* нѣтъ ключа Персіи, онъ устремился въ быстрое бѣгство.

Не льзя пропустить безъ вниманія и того, что сія крѣпость взята была наканунѣ перехода Русскихъ войскъ за границу 1 Января 1813 года. Сколько воспоминаній сливаются въ однѣ сутки! Въ то самое время, когда *Наполеонъ* бѣжалъ изъ Россіи, Отечество наше озарилось и новою славою въ предѣлахъ Персіи и предпринятымъ подвигомъ къ спасенію Европы и человѣчества.

XXVI.

О БЛАГОУСТРОЙСТВѢ

и великолѣпіи двора

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

«Вступая въ Царскую палату, говоритъ Издатель Записокъ о *Графѣ Карлилѣ*: мы тоже ощутили, что случается съ тѣми, которые послѣ мрака внезапно поражаются солнечными лучами: чрезвычайное сіяніе ослѣпило взоры наши. Казалось, что блескъ драгоцѣнныхъ камней спорилъ въ превосходствѣ съ блескомъ дневнаго свѣтила. Мы какъ будто бы из-

чезли въ сліяніи свѣта и славы! Русской Царь, подобно солнцу свѣтозарному, сіяя и разпространяя повсемѣстно лучи, величественно сидѣлъ на престолѣ: вѣнецъ, скипетръ, порфира, все изумляло взоры и воображеніе; по сторонамъ, у подножія престола, шестью или семью ступенями возвышеннаго отъ помоста, стояли четыре Боярина, держа на плечахъ сѣкиры. Одѣяніе соотвѣтствовало величественному ихъ виду. Взглядывая по временамъ то на насъ, то на Царя своего, они какъ будто бы говорили: *что величественнѣе Царя нашего? Взирайте и благоговѣйте*! Сонмъ Царскихъ Бояръ еще болѣе поразилъ насъ удивленіемъ; они представлялись намъ лучами, отдѣляющимися отъ солнца, возносящагося на торжественной

колесницѣ, и опять съ благоговѣніемъ возвращающимися къ лучезарному источнику, откуда истекли. . У входа палаты было нѣсколько *гостей*, или купцовъ. »

« Въ такомъ велелѣпіи обрѣли мы Царя, важнаго видомъ, величественнаго осанкой, цвѣтущаго красотою и мужествомъ. Величіе Царя, пышность Двора, всеобщее благоустроеніе, не только восхитили насъ, но даже исполнили трепета и удивленія. Словомъ, казалось, что намъ предстало не собраніе людей, но боговъ (1)! »

---

(1) Записки о посольствѣ Графа Карлиля въ Россію, стр. 160.

XXVII.

МЫСЛИ МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ

ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА О ВЗЯТІИ КРѢПОСТИ *Сардаръ Абады* 23 ОКТЯБРЯ 1827 ГОДА.

НИКОЛАЙ Первый продолжаетъ царствованіе Александра Перваго. И такъ и подъ Его Державою правиломъ Русскихъ воиновъ будетъ: *побѣждать или умирать.*

Уже нѣсколько разъ клики побѣдоносные неслись изъ предѣловъ Персіи черезъ подъоблачныя вершины Кавказскія. Въ сихъ кликахъ побѣдоносныхъ сливалось торже-

ство славы и правоты. Гдѣ нѣтъ правоты, тамъ слава—изчезаетъ какъ дымъ, какъ призракъ. НИКОЛАЙ Первый не желалъ той славы, которая поражая блескомъ своимъ разсудокъ, зараждаетъ мечты тщеславія: Онъ желаетъ той одной славы, которая созидаетъ мирное счастіе людей. Персы сами вызвали противъ себя побѣдоносное оружіе Россіянъ; наглымъ нашествіемъ расторгли они всѣ связи пріязни; стопами дерзновенными попрали святость союзовъ и права народныя. Ибо всякое нашествіе есть нарушеніе и правъ народныхъ и правъ человѣчества. Снова вѣроломство наказано предъ лицемъ цѣлаго свѣта. Снова можемъ повторить слова *Холмогорскаго* пѣснопѣвца:

« Народы нынѣ научитесь,
Смотря на страшну сильныхъ казнь,
Союзы соблюдать учитесь,
Храните искренно пріязнь.
На множество не уповайте
И тѣмъ Небесъ не раздражайте;
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ
Предъ Божьимъ гнѣвомъ прахъ и тлѣнъ:
Предъ Нимъ и горы изчезаютъ,
Предъ Нимъ пучины изсыхаютъ. »

Пусть убѣдятся еще сильнѣе народы, что голосъ правоты проницаетъ сквозь сводъ небесный. Россіяне едва успѣли отдохнуть на лаврахъ и снова должны были ополчиться. НИКОЛАЙ Первый, не помышляя о славѣ военной, обратилъ все вниманіе на внутреннее устроеніе Державы своей: и враги вѣроломные обременили Его новыми заботами. Но Онъ подкрѣпляется право-

тою Своею, Онъ подкрѣпляется Провидѣніемъ и будетъ побѣждать сердца Россіянъ любовью, а дерзость враговъ—оружіемъ побѣдоносным.

Царю-Отцу нуженъ миръ, нужна тишина среди неусыпныхъ попеченій о благѣ каждаго подданнаго. И сколь счастливъ Государь, который можетъ сказать: «съ того мгновенія, когда Провидѣніе поручило мнѣ управленіе Государства, Я живу только для подданныхъ, Я занимаюсь только ими, дѣлю ихъ радости и скорби; всѣ чувствованія ихъ сердецъ заключаются въ Моемъ сердцѣ!»

НИКОЛАЙ Первый насладится симъ счастіемъ, Онъ оправдаетъ слова Державина:

«Родителямъ по крови,
По сану исполинъ,
По благости любови
Полсвѣта Властелинъ;
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душей Екатеринѣ равенъ (1)!

(1) Смот. стихи Державина, сочиненные имъ по случаю Крещенія нынѣ благополучно царствующаго ИМПЕРАТОРА.

XXVIII.

УМНЫЙ ОТВѢТЪ АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА.

Всѣмъ извѣстно, какому жребію подвергся Густавъ Третій, напавъ внезапно и безъ объявленія войны на Россію. Извѣстно, что онъ уже приглашалъ своихъ любимцевъ на торжество въ Сѣверную Столицу. Но сей случай послужилъ только новому подтвержденію, что Россія всѣмъ была готова жертвовать Екатеринѣ, своей нѣжной Матери Отечества. Слава Екатерины заблистала на сушѣ и на морѣ. Крузъ и Чичаговъ отразили

сильный Шведскій флотъ. Капитанъ плѣннаго корабля, называемаго *Принцъ Карлъ*, ужиная въ день сраженія у Адмирала Чичагова, сказалъ ему: «мы ошиблись въ разсчетѣ: думали угощать васъ, и нечаянно попали къ вамъ въ гости.» Чичаговъ отвѣчалъ: *на это была воля Великаго Хозяина міра.*

—※—

XXIX.

ДОБРОДѢТЕЛИ
и
ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ

Іеромонаха Ефрема, шестаго Строителя Саровской пустыни.

Іеромонахъ Ефремъ, уроженецъ Тульскій, постригся въ монашескій чинъ 1712 года въ *Соловецкой* пустынѣ, состоящей въ Московскомъ уѣздѣ; въ Іеромонахи произведенъ онъ въ Москвѣ въ Гороховской *Знаменской* монастырь 1716 года; въ Саровскую же пустынь переведенъ въ началѣ 1727 года.

Здѣсь ознаменовались во всемъ блескѣ добродѣтели его и сила Христіанской любви. 1758 Года всѣмъ братствомъ избранъ онъ въ Строители. 1775 Годъ былъ годомъ несказаннаго злополучія. Голодъ изнурялъ и поражалъ жителей. Многіе страдальцы питались не только невѣяннымъ хлѣбомъ, но даже смѣшивлаи его съ гнилою колодою и желудями.

Счастлива та страна, гдѣ есть великіе человѣколюбцы, живущіе не для себя и забывающіе себя для блага ближнихъ! Окрестные жители Саровской пустыни нашли сего утѣшителя въ лицѣ Іеромонаха *Ефрема*. Страдая о жребіи злополучныхъ, томимыхъ голодомъ, онъ со всѣхъ сторонъ приглашалъ ихъ въ обитель, предлагалъ все, и въ надеждѣ на Прови-

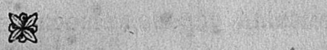
дѣніе, не оставлялъ у себя почти ничего. Въ теченіи *семи* мѣсяцовъ питалъ онъ ежедневно по нѣскольку сотъ, а въ иные дни и по тысячѣ человѣкъ. Нѣкоторые изъ братій, уважая *Ефрема*, но не уравниваясь съ нимъ душою, втайнѣ роптали на человѣколюбивую его распорядительность; а притомъ опасались, что и сами подвергнутся неминуемому голоду. Узнавъ о семъ ропотѣ и боязни, онъ призвалъ старѣйшую братію и разительно представилъ всеобщее народное бѣдствіе. Братія, предлагая на слова его различныя замѣчанія, требовали рѣшительнаго отвѣта. *Ефремъ*, взглянувъ на небо и, вздохнувъ отъ глубины души, отвѣчалъ: *я рѣшился дотолѣ страдать нераздѣльно съ народомъ, доколѣ*

не прекратится гнѣвъ небесный. Все, что есть у насъ, обрекъ я къ пропитанію страдальцевъ, истомляемыхъ голодомъ. Богъ призвалъ насъ на сіе званіе. Мы живемъ не для себя; мы скрылись отъ міра! И какая польза мнѣ пережить подобныхъ мнѣ людей? До сего злополучнаго года многіе изъ нихъ и насъ питали; оставимъ ли ихъ въ скорби и напасти?

Чувствіемъ добродѣтельнаго *Ефрема* оживотворились серца братій. Вмѣстѣ съ нимъ проливая слезы, они воскликнули единодушно: *дѣлайте, что вамъ угодно; да будетъ по вашей волѣ.*

Ревностный другъ человѣчества, охраняемый Богомъ любви и милосердія, достигъ

глубокой старости. ***Ефремъ*** успокоился отъ трудовъ земныхъ 1778 года, на 86 году жизни своей. Памятники усердія его къ обители тамъ еще существуютъ, а подвиги его живутъ во всѣхъ сердцахъ, уважающихъ добродѣтели, украшенныя любовью и милосердіемъ, проистекающими отъ Вѣры, оправдываемой дѣлами.

XXX.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ИЗРЕЧЕНІЕ ШАХА АБАСА.

Абасъ, правнукъ Абаса I, вступилъ на престолъ 1642 года. Онъ соблюдалъ терпимость вѣръ и говорилъ: «Одинъ Богъ повелѣваетъ совѣстію; а мой долгъ оказывать справедливость всѣмъ моимъ подданнымъ, какого бы они ни были исповѣданія.»

XXXI.

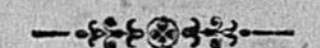
НѢКОТОРЫЯ ИЗРЕЧЕНІЯ СОКРАТА.

« Познавать самаго себя есть главная степень разумѣнія.

« Другъ, смѣло представляющій намъ погрѣшности наши, есть неоцѣненный даръ Неба. Ласкатели суть величайшіе наши враги.

« Пусть оправдываютъ меня, говорилъ Сократъ друзьямъ своимъ: пусть оправдываютъ меня дѣла и жизнь моя. Вы говорите, что я приговоренъ къ смерти, но

развѣ не знаете, что и природа къ тому же приговорила враговъ моихъ. Вы хотите, чтобы я спасся бѣгствомъ; но есть ли на землѣ такое мѣсто, гдѣ бы люди не умирали?»

XXXII.

НѢКОТОРЫЯ ИЗРЕЧЕНІЯ

изъ сочиненій

М. Н. МУРАВЬЕВА.

Изъ пера Муравьева излилась сія безсмертная мысль: «Великолѣпіе и вся красота природы внушается только невиннымъ сердцемъ. Одно счастіе — добродѣтель; одно несчастіе—порокъ.

Пріятно также сердцу и памяти затвердить сіи стихи о любви къ Отечеству:

«Служить Отечеству верховный душъ обѣтъ;
Нашъ долгъ—туда спѣшить, куда оно зоветъ.
Но если въ множествѣ ревнителей ко славѣ
Мнѣ должно уступить; уже ли буду вправѣ
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мнѣ только что — служить; отчизнѣ — награждать.»

Лучшимъ похвальнымъ словомъ Михаилу Никитичу Муравьеву служатъ особенныя произведенія его пера, оживленныя всею полнотою и свѣжестью душевною и всею чувствительностію сердца, способнаго ко всѣмъ благороднымъ побужденіямъ, составляющимъ прелесть жизни и дружбы. «Страсть его къ ученію, говоритъ Н. М. Карамзинъ, равнялась только со страстію его къ добродѣтели.

Душа его жила Отечествомъ и для Отечества. «Онъ любилъ Отечество, говоритъ Батюшковъ, какъ *Цицеронъ* любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея почитатель; и всегда во всѣхъ случаяхъ жизни остался вѣренъ своей благородной *страсти*.

XXXIII.

СУВОРОВЪ - НАСТАВНИКЪ ЮНЫХЪ ВОИНОВЪ

И ЛЮБИТЕЛЬ ВОСПИТАНІЯ.

Суворовъ, гремящій славою вездѣ, гдѣ уважаютъ ревностныхъ защитниковъ Отечества и искреннихъ друзей человѣчества: Суворовъ не скрылъ съ собою въ гробъ правилъ своихъ. Мечемъ поражалъ онъ тѣхъ, которые отвлекали человѣчество отъ вѣры и добродѣтели; перомъ передавалъ душу свою потомству.

Вотъ безсмертныя начертанія души его :

«По званію военныхъ людей вникайте прилѣжно въ сочиненія *Вобана*, *Когорна*, *Кюрасса*, *Гюбнера*; учитесь отчасти Богословіи, Физики и Нравственности. Внимательно читайте *Евгенія*, *Тюреня*, записки *Юлія Кесаря*, *Фридриха Втораго*, первыя части *Ролленевой* Исторіи и мечтанія Графа де *Сакса*. Языки полезны для Словесности, упражняйтесь въ верховой ѣздѣ, въ шпажномъ искуствѣ и въ танцованіи.

«Военныя добродѣтели суть: отважность для солдата, храбрость для Офицера, мужество для Генерала. Военачальникъ, руководствуясь порядкомъ и устройствомъ, владычествуетъ съ помощію неусыпности и предусмотрѣнія.

«Будьте откровенны съ друзьями, умѣренны въ нужномъ и безкорыстны въ поведеніи. Пламенѣйте усердіемъ къ службѣ Государя.

«Любите истинную славу; отличайте честолюбіе отъ надмѣнности и гордости.

«Привыкайте заранѣе прощать погрѣшности другихъ, и не прощайте никогда себѣ своихъ погрѣшностей.

«Обучайте ревностно подчиненныхъ и давайте имъ примѣръ собою.

«Непрестанное упражненіе въ томъ, какъ все обнять однимъ взглядомъ, учинитъ васъ великими Полководцами. Умѣйте пользоваться мѣстоположеніемъ.

«Будьте терпѣливы въ военныхъ трудахъ, не унывайте отъ неудачъ. Умѣйте предупреждать обстоятельства ложныя и

сомнительныя; не предавайтесь безвременной запальчивости.

«Храните въ памяти своей имена великихъ людей и руководствуйтесь ими въ походахъ и дѣйствіяхъ своихъ съ благоразуміемъ; не презирайте никогда непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ; старайтесь узнать его оружіе и способъ, какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается, изслѣдуйте силы и слабость его.

«Привыкайте къ дѣятельности неутомимой.

«Управляйте счастіемъ; одинъ мигъ доставляетъ побѣду. Покоряйте себѣ счастіе быстротою *Кесаря*, который умѣлъ уловлять непріятеля своего даже днемъ, окружать его и нападать на него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотѣлъ, и въ то время,

когда желалъ; отрѣзывайте у него всякаго рода запасы, и увѣнчайтесь искусствомъ, чтобы войско ваше никогда не нуждалось въ продовольствіи. »

Похвально издавать полезныя правила; еще похвальнѣе подтверждать ихъ примѣромъ своимъ. Суворовъ, любимецъ славы и побѣдъ, былъ самъ любителемъ воспитанія. Въ Полковничьемъ еще чинѣ, находясь съ полкомъ въ *Новой Ладогѣ*, онъ на собственное иждивеніе учредилъ училище для десяти бѣдныхъ дворянъ. Славу не рѣдко оспориваютъ, но любовь, приобрѣтенная любовью, остается въ сердцахъ. Жители *Новой Ладоги* отдали сердца свои не Герою *Италійскому*, но Суворову, другу добра. Въ *Новой Ладогѣ* существуетъ церковь, сооруженная Су-

воровымъ. Болѣе сорока семи лѣтъ уже минуло со времени созиданія сей церкви, но обыватели помнятъ, что она сооружена и богато украшена внутри дарами, принесенными усердіемъ созидателя. Говорятъ, что граждане *Новой Ладоги* при сей церкви намѣрены устроить кладбище въ память Героя *Рымникскаго* и *Италійскаго.* Можно было бы въ томъ же городѣ учредить училище для бѣдныхъ и назвать оное: *Училищемъ Суворовскимъ.* Одна сія надпись свидѣтельствовала бы, что слава Суворова всегда нераздѣльна была съ усердіемъ къ добру.

Пріятно также припомнить, что Суворовъ по добротѣ своего сердца, какъ будто бы *породнился* съ обывателями *Новой Ладоги.* Хотя старинная посло-

вица и говоритъ, что *почести перемѣняютъ нравы*; но душа Суворова была выше сей перемѣны. 1788 Года, то есть, въ то время, когда уже имя Героя гремѣло въ полкахъ Русскихъ, проѣзжая черезъ *Новую Ладогу* вмѣстѣ съ дочерью своей, онъ остановился въ домѣ стариннаго своего знакомца, купца Ефрема Ивановича *Шарова*. Уважая его добродѣтели, Герой приказалъ и дочери своей и всѣмъ бывшимъ съ ними называть Ефрема Ивановича *дѣдушкою*. Сіе названіе выговаривалъ онъ съ тою искреннею ласкою, которая въ Героѣ заставляла забывать Героя и показывала друга людей и добродѣтели. «Да удалятся отъ насъ, сказалъ одинъ знаменитый витія: да удалятся отъ насъ Герои, нелюбители чело-

вѣчества!» И мы то же повторимъ. Но съ Суворовымъ неразлучны были и слава и добродѣтель. Благость есть вѣнецъ славы: сей вѣнецъ принадлежалъ Герою Римникскому и Италійскому. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1791 года, Герой нашъ сказалъ: *я живу въ непрестанной мечтѣ*. По влеченію сей мечты онъ часто посѣщалъ *Старую Ладогу*, гдѣ, взирая на развалины Рурикова замка, размышлялъ подобно *Оссіяну*, любимому его Поэту, что «все созидаемое руками человѣческими заростаетъ мохомъ пустыннымъ и блескъ земной славы изчезаетъ какъ призракъ, мелькнувшій въ пространствахъ воздушныхъ.» Но добро не умираетъ. Воспоминая о Героѣ нашемъ, мы воспоминаемъ и о той добродѣтели, ко-

торою привлекалъ онъ сердца и оставилъ въ нихъ память незабвенную, память благодарности къ другу человѣчества.

XXXIV.

ОБНОВЛЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ БОЯРИНУ АРТЕМОНУ СЕРГѢЕВИЧУ МАТВѢЕВУ.

Гробница Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева обновлена послѣ 1812 года Графомъ Н. П. Румянцовымъ, правнукомъ его.

Одна изъ дочерей Андрея Артемоновича, сына сего знаменитаго Боярина, была въ супружествѣ за отцемъ Графа Румянцева *Задунайскаго*, другая за Кня-

земъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ, шрепія за Д. А. Шепелевымъ.

Всѣ главныя черты исторіи о невинномъ заключеніи и жизни Боярина Матвѣева переданы были Княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ Н. И. Новикову. Издатель, посвящая сію Исторію Графу Румянцеву *Задунайскому*, говоритъ: « Издавая въ свѣтъ Исторію о невинномъ заточеніи ближняго Боярина Артемона Сергеевича Матвѣева, не могъ я никому посвятить ее пристойнѣе, кромѣ Вашего Сіятельства, его правнука и преемника всѣхъ его добродѣтелей. »

« Бояринъ Артемонъ Сергеевичь, продолжаетъ Издатель его Исторіи: достто-

инъ общаго прославленія за то, что въ теченіе всей своей жизни споспѣшествовалъ къ благу Государства, и наконецъ, спасая Государя и Отечество, запечатлѣлъ заслуги свои кровію своею.»

Въ сихъ краткихъ и разительныхъ словахъ изображена вся жизнь Боярина Матвѣева: онъ жилъ для Отечества и умеръ за Отечество.

Франція славилась тѣмъ, что Король Генрихъ IV имѣлъ друга въ Министрѣ своемъ *Сюллiѣ*: а мы утвердительно можемъ сказать, что сія рѣдкая слава принадлежитъ Царю Алексѣю Михайловичу и ближнему его Боярину Артемону Сергѣ-

вичу Матвѣеву. Сей Бояринъ дѣйствительно былъ *близокъ* къ нему и по сердцу и по заслугамъ.

Чѣмъ же знаменитый нашъ Бояринъ снискалъ любовь Царскую? Трудами неутомимыми, вѣрностію къ Престолу, безпредѣльною любовію къ Отечеству, милосердіемъ къ народу, правосудіемъ, мудростію въ дѣлахъ политическихъ и военныхъ.

Честь и слава тѣмъ потомкамъ, которые сохраняютъ подробности о славѣ предковъ своихъ. Сею славою увѣнчался Князь Василій Ивановичь Мещерской: онъ сохранилъ для насъ письмо Царя Алексѣя Михайловича, отправленное къ Боярину

Матвѣеву, когда онъ находился съ войсками подъ Смоленскомъ.

Вотъ сіе достопамятное письмо: «Другъ мой, Артемонъ Сергеевичъ! пріѣзжай къ намъ поскорѣе. Дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли; за ними нѣкому присмотрѣть, а мнѣ безъ тебя посовѣтоваться не съ кѣмъ.»

Это письмо напоминаетъ о письмѣ Филиппа Царя Македонскаго, препровожденнаго къ Аѳинскому Философу *Аристотелю.* «Не за то, писалъ Филиппъ, благодарю я боговъ, что они дали мнѣ сына Александра; но за то, что они дали мнѣ его при жизни Аристотеля.»

И такъ уваженіе къ благоразумнымъ наставникамъ существовало во всѣ времена.

Жизнь нравственная есть вторая жизнь, утверждающая достоинство человѣка.

Незабвенное свидѣтельство любви народной къ Боярину Матвѣеву сохранено намъ также Внукомъ его, Княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ. Сія любовь народная ознаменовалась торжественно при слѣдующемъ случаѣ.

У ближняго Царскаго Боярина былъ тѣсный, небольшой и ветхій домъ въ приходѣ Николы *Столпахъ*, между Мясницкою и Покровскою. Царь неоднократно убѣждалъ Матвѣева, чтобы онъ на его счетъ перестроилъ домъ, но Русской Бояринъ, не стараясь обременять себя милостями Государя и друга своего, отзывался, что когда исправится съ деньгами, то самъ приступитъ къ поновленію дома.

Матвѣев въ самомъ дѣлѣ заготовилъ запасы; не доставало только камней на основаніе. Любовь народная догадлива и услужлива. Стрѣльцы и обыватели Московскіе съ гробовъ своихъ отцевъ привезли камни къ благодѣтельному Боярину и сказали: «Мы привезли къ тебѣ камни съ гробовъ отцевъ и предковъ нашихъ; денегъ намъ не надобно: даримъ тебя, нашего благодѣтеля.»

Матвѣевъ о семъ поступкѣ немедленно извѣстилъ Царя, и Царь отвѣчалъ: «Прими, мой другъ! сей подарокъ отъ народа. Видно, что онъ усердно тебя любитъ: онъ обнажилъ для тебя гробы своихъ отцевъ. Такой подарокъ и я бы принялъ.»

И такъ, сколь священъ гробъ того Рос-

сіянина, для котораго любовь народная обнажила гробы прародительскіе! Бояринъ Матвѣевъ *семь* лѣтъ страдалъ отъ клеветниковъ и враговъ, уловившихъ въ сѣти свои добродушіе юнаго Ѳеодора. Онъ былъ сосланъ и лишенъ всѣхъ почестей безъ суда. Вторая супруга Царя Ѳеодора Алексѣевича, Царица Марѳа Матвѣевна, изъ рода Апраксиныхъ, вступилась за невиннаго страдальца. Ѳеодоръ изрекъ прощеніе, но умеръ, не дождавшись друга отца своего.

При воцареніи Петра и Наталіи, Стольникъ *Алмазовъ* посланъ былъ къ Матвѣеву, чтобы онъ поспѣшилъ въ Москву. Напротивъ того отговаривалъ Матвѣева отъ поѣздки въ престольный градъ, извѣщая, что ему предстоитъ неизбѣжная поги-

бель отъ ненависти враговъ его. «Поѣду въ градъ престольный, возразилъ Матвѣевъ: препружденныя очи мои отъ старости и страданія увидятъ Царя и Царицу. Радъ и готовъ умереть за Царя и Отечество.»

Матвѣеву все было возвращено: и Боярство и имущество. «Но, прибавляетъ Лѣтопись: неиспытанныя Божіи судьбы, уму человѣческому непостижимыя, опредѣлили Матвѣеву прожить только три дни (1).» Въ день 15 Мая 1682 года, яростнымъ и жестокимъ стремленіемъ стрѣльцовъ исторгнутъ онъ былъ изъ рукъ Царскихъ, брошенъ на площадь отъ сто-

---

(1) Смот. Лѣтопись, стр. 421.

роны Собора *Благовѣщенскаго* и изрубленъ при звукѣ великаго Кремлевскаго набата и при непрестанномъ боѣ барабанномъ.

Скорбя о страдальческой смерти Матвѣева, современники его говорили: «Блаженны тѣ, которыхъ поносятъ и преслѣдуютъ: ибо награда ихъ на небесахъ. Нечестивые изчезнутъ до конца (1).» Изчезли враги и убійцы Матвѣева, а имя его живетъ и въ Лѣтописяхъ Отечественныхъ и въ сердцахъ Россіянъ.

---

(1) Лѣтопись.

XXXV.

СТЕПАНЪ ЮРЬЕВИЧЬ ХРАПОВИЦКІЙ.

Сей Русской Дворянинъ и помѣщикъ Смоленской, подобно Суворову, одушевлялся усердіемъ къ воспитанію бѣдныхъ Дворянъ. Вышедъ въ отставку, онъ посвятилъ себя подвигамъ добра и человѣколюбія. На собственномъ его иждивеніи воспитывались нѣсколько бѣдныхъ дѣтей дворянскихъ. Доставя имъ ученіе, нужное для службы военной, онъ съ отцовскою заботливостію старался объ опредѣленіи ихъ. Но и вступленіе ихъ въ службу не прекращало сношенія его съ ними. Каж-

дый изъ сихъ питомцевъ во всѣхъ своихъ нуждахъ имѣлъ право къ нему относиться, и онъ всегда помогалъ имъ готовою рукою и готовымъ сердцемъ.

Не нужно говорить, что Степанъ Юрьевичь былъ отцемъ крестьянъ, которыхъ почиталъ дѣтьми, ввѣренными ему Провидѣніемъ. Не прибѣгая ни къ какимъ нововымышляемымъ средствамъ къ обогащенію, онъ полагалъ земледѣліе основаніемъ сельскаго хозяйства. Поля, нивы и селенія его процвѣтали изобиліемъ.

Счастливъ тотъ, кто дѣлится съ другими дарами счастія! Давно уже нѣтъ въ семъ мірѣ благодѣтеля бѣдныхъ, но имя его живетъ въ сердцахъ, любящихъ добродѣтель.

XXXVI.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПРИНЦА ГЕНРИХА,

БРАТА ФРИДЕРИКА ВТОРАГО.

Фридерикъ Вторый, уважая славу и заслуги брата своего Принца Генриха, предписалъ, чтобы день его рожденія празднованъ былъ съ блестящимъ великолѣпіемъ. «Принцу Генриху, говорилъ Фридерикъ Вторый, Пруссія обязана спасеніемъ многихъ областей своихъ.»

Слава украшается человѣколюбіемъ. На полѣ грозныхъ битвъ Принцъ Генрихъ восклицалъ: *воины! обезоруживайте со-*

противниковъ своихъ, но щадите ихъ кровь.

Добродѣтель и чистая совѣсть не страшатся предѣла, неизбѣжнаго для всѣхъ смертныхъ. А потому Принцъ Генрихъ сочинилъ для себя слѣдующую надгробную надпись:

«Породой брошенъ я былъ въ бурный вихрь тщеславья;
Величьемъ, славою народъ сей вихрь зоветъ;
Въ очахъ же мудраго онъ только тѣнь мечтанья;
Онъ сулитъ счастіе, но счастья не даетъ.
Какъ человѣкъ, и я—страданьямъ былъ причастенъ,
И я лилъ слезы изъ очей...
Я жертвой былъ своихъ страстей
И былъ страстямъ другихъ подвластенъ.
Не рѣдко злобною разимъ былъ клеветой;
Не рѣдко унывалъ душой

Теряя тѣхъ, кѣмъ жилъ; въ комъ видѣлъ услажденье:
Ахъ! въ дружбѣ лучшее встрѣчалъ я утѣшенье.
Въ уединеніи, въ собой самимъ,
Доволенъ жребіемъ всегда я былъ своимъ.
Но радостнѣй еще я былъ тогда душою,
Когда Отечеству могъ жертвовать собою;
Когда страдальцевъ я могъ слезы отирать,
И злополучнаго съ судьбою примирять!...
Прохожій! на землѣ нѣтъ вѣчнаго блаженства;
На прахѣ не ищи земномъ семъ совершенства.
Но если я не могъ быть лучшимъ изъ людей,
Не шелъ однако я порочною стезей.
Кто въ нѣдрахъ вѣчности пріялъ успокоенье,
Того не льститъ хвала
И не язвитъ хула.
Но къ добродѣтели кто изъявлялъ стремленье,

Кто долгъ свой исполнялъ,
Увидитъ тотъ еще надежды озаренье.
Сынъ праха въ слѣдъ за ней къ безсмертію пойдетъ:
Надеждой сладкой сей душа моя живетъ.

XXXVII.

РѢЧЬ

УМИРАЮЩАГО ЛЮДОВИКА XIV

пятилѣтнему Дофину.

« Любезный внукъ! ты скоро будешь обладателемъ обширной Державы. Всего болѣе совѣтую тебѣ не забывать того, чѣмъ ты обязанъ Богу... Помни, что ты все отъ Него получилъ.

« Старайся сохранять миръ съ своими сосѣдями.

« Я слишкомъ любилъ войну: не подражай мнѣ въ этомъ. Не подражай мнѣ так-

же и въ непомѣрномъ расточеніи доходовъ государственныхъ.

« Совѣтуйся во всемъ и всегда придерживайся лучшему совѣту.

« Облегчай народъ свой. Словомъ, сдѣлай все, чего я не имѣлъ счастія сдѣлать.»

Сіи слова начертаны были съ подлинныхъ словъ Людовика XIV на доскѣ и поставлены надъ изголовьемъ юнаго Людовика XV (1).

---

(1) Смот. Записки *Дюкло* о жизни Людовика XIV, Часть I, стр. 147.

XXXVIII.

УВАЖЕНІЕ КИРГИЗЦЕВЪ КЪ ОТЦАМЪ СЕМЕЙСТВЪ.

У сего народа, который дѣломъ оправдываетъ, что *жизнь есть временное странствованіе* — опредѣлено по умирающимъ отцамъ семействъ носить цѣлой годъ печальное одѣяніе. Сохраненіе сего обряда представляетъ поразительное зрѣлище при *перекочеваньи*. Надобно знать, что старшая дочь или ближайшая родственница покойнаго представляетъ главное лице. Въ караванѣ раз-

вѣвается черное знамя; дочь въ богатомъ нарядѣ ѣдетъ на прекрасномъ конѣ и въ рукахъ держитъ копье съ чернымъ знаменемъ. За нею слѣдуетъ верхомъ же вдова покойнаго въ глубокомъ печальномъ одѣяніи. Степь оглашается воплями и стонами ихъ. Такимъ образомъ въ продолженіе цѣлаго года подъ сводомъ небеснымъ, любовь семейственная живетъ съ тѣми, кого уже нѣтъ въ нѣдрахъ семейства.

—⊱⊰❁⊱⊰—

XXXIX.

МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

Полнымъ и отличнымъ изданіемъ *Малороссійскихъ пѣсенъ* обязаны мы Г. Максимовичу. Это истинная услуга Словесности. Она открываетъ новые источники Русскимъ писателямъ. Всегда будетъ непреложною истинною то, что особенная принадлежность превосходнаго дарованія состоитъ въ знаніи души того языка, на которомъ оно объясняется.

Въ этомъ согласны и Французы.

«Въ сочиненіяхъ *Марота* и *Мальгерба*, говоритъ *Дюсоль*: должно учиться духу

Французскаго языка; въ ихъ произведеніяхъ должно отыскивать отличительныя черты онаго и, такъ сказать, *всю родную его простоту*. Труднѣе наблюдать оную въ твореніяхъ, представляющихъ языкъ во всемъ его совершенствѣ; ибо къ нимъ присоединены уже красоты, свойственныя всѣмъ нарѣчіямъ.

«Но при семъ новомъ убранствѣ и подъ цвѣтами искуства не столь уже разительно представляются природныя свойства языка. Великіе писатели вѣка Людовика XVI *Расинъ*, *Буало*, *Лафонтенъ*, всегда уважали коренные источники отечественнаго нарѣчія; они украшали оное, но не искажали его основаній.»

Отъ чего плѣняютъ насъ и восхищаютъ произведенія Пушкина? Отъ того, что

ему удалось опыскать тѣ *родные звуки*, которые переносятъ мысль въ прошедшее и, такъ сказать, даютъ слышать голосъ старины. Читая въ семъ Поэтѣ такія мѣста, мы говоримъ: « это наше; этого не льзя перевесть ни на какой языкъ. »

И выраженіе словъ и голосъ родныхъ пѣсней, все это близко къ сердцу нашему. Въ прекрасной *Идилліи* Н. И. Гнѣдича, младшій рыбакъ, отвѣчая на слова старшаго своего товарища, говоритъ:

« Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,

Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
За чѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь
рукою?»

Русской крестьянинъ:
«И подъ тучей громовой,
Въ дождь и вихрь, песокъ крутящій,
За работою поетъ (1).»

Въ нашихъ родныхъ *пѣсняхъ* не только слова, но и голосъ особенно намъ принадлежитъ. Голосомъ сихъ пѣсенъ вездѣ восхищаются, гдѣ только слухъ передаетъ сердцу звуки. Въ нихъ нѣтъ порывовъ отчаянія, въ нихъ нѣжность, *заунывность*, въ нихъ голосъ сердца, знакомаго со всѣми прелестями чувства.

---

(1) Ѳ. П. Львовъ.

«Сколько бы не было измѣненій во нравахъ и обычаяхъ, сказалъ одинъ иностранный писатель, но природное свойство всегда будетъ брать верхъ (1).»

Въ наше время сбылась эта истина. Мы не стараемся теперь подражать *Доратамъ* и другимъ Французскимъ стихотворцамъ; мы хотимъ, чтобы у насъ оживлялось наше собственное, наше родное. А это самое и доказываетъ, что нашъ языкъ способенъ и къ изображенію всѣхъ оттѣнковъ мыслей и всѣхъ движеній сердечныхъ.

---

(1) Графъ *Тюрпинъ*.

XL.

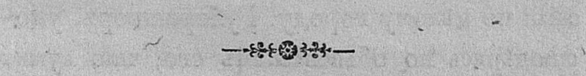
БѢДНОСТЬ и ЧЕСТНОСТЬ.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ нашихъ городовъ, богатый купецъ обронилъ сумку съ пятнадцатью тысячами ассигнацій. На зарѣ утренней сумка попалась въ глаза бѣдной престарѣлой мѣщанкѣ. Семнадцатилѣтній ея сынъ зналъ грамотѣ. Прочитавъ надпись, онъ сказалъ матери, сколько тутъ денегъ. «И такъ, отвѣчала мать, теперь мы заживемъ богато.» Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ сынъ, чужимъ добромъ не разживешься. Лучше жить трудами рукъ своихъ. Мы бѣдны, но за то чисты передъ Бо-

гомъ и совѣстію. «Благодарю Бога, вскричала мать, что Онъ вложилъ въ умъ твой такія добрыя мысли. Прости меня: я хотѣла тебя только испытать.»

Случилось такъ, что въ тотъ же день возвратился въ городъ купецъ, потерявшій деньги, а Губернаторъ прибылъ для обозрѣнія уѣзда. Старушка тотчасъ явилась къ Губернатору и объявила о находкѣ. Позванъ былъ купецъ, который съ горестною суетливостію бѣгалъ съ распросами по цѣлому городу. Губернаторъ, удостовѣрясь по объясненіямъ его, что сумка и надписанное число денегъ дѣйствительно ему принадлежитъ, хотѣлъ дать надлежащее число денегъ за отысканіе и доставленіе пропажи. На лицѣ купца изъявилось новое уныніе. Старушка примѣ-

тила это и сказала Губернатору: «Нѣтъ, батюшка! на что мнѣ столько денегъ.» Губернаторъ принудилъ ее взять сто рублей. Старушка немедленно пошла въ Соборную церковь и внесла въ пользу оной данныя ей деньги. Мѣщане, пораженные симъ поступкомъ, выстроили ей домъ на свое иждивеніе, а Губернаторъ далъ сыну ея приличное мѣсто.

XLI.

СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ МАТЕРЬЮ

ВЪ АЛЬБОМѢ ДОЧЕРИ, ОТПРАВЛЯЕМОЙ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Душѣ съ душой нѣтъ разлученья!
Вѣрь будешъ завсегда съ тобой душа моя;
Шагъ каждый твоего ученья,
Не бывъ съ тобой—увижу я;
Увижу мыслію, тобою оживленной!...
Награда отъ Небесъ мнѣ жребій твой бла-
женной;
Твоей счастливою я веселюсь судьбой.
Ты будешь зрѣть Царицу,

Царицу - Ангела и сердцемъ и душой:
Она какъ нѣжна мать простретъ къ тебѣ десницу;
И Матерью Ее давно зовутъ сердца.
Увидишь, можетъ быть, ты и Царя-Отца;
Молися за Него! Онъ Ангелъ нашъ Небесный;
Для счастья общаго Онъ хочетъ только жить.
Онъ съ счастіемъ миритъ нашъ жребій неизвѣстный,
Онъ новымъ бытіемъ тебя, мой другъ! даритъ.
Молись за Домъ Его!... Ихъ счастье, наше счастье...
Кто въ горести другихъ умѣетъ брать участье,
Съ тѣмъ Богъ и съ тѣмъ сердца:
Съ Царемъ сердца и Богъ! мы всѣ въ Немъ зримъ Отца.

—⁂—

XLII.

МИНИНЪ,

или

СЛАВА И ДОБРОДѢТЕЛИ НЕ УМИРАЮТЪ (1).

Среди необычайныхъ бѣдствій, разлившихся по лицу земли Русской 1612 года, раздался въ стѣнахъ Нижняго Новгорода

(1) Новыми достопамятными подробностями и изображеніемъ гробницы Минина обязанъ Издатель дѣйствующему Члену Любителей Общества *Коммерческихъ* знаній Петру Ѳеодоровичу Веретенникову. Достойный потомокъ великаго гражданина оживляетъ па-

голосъ Гражданина Минина, голосъ безпримѣрный въ Лѣтописяхъ міра. Одушевляясь грамотами, разсылаемыми изъ Троицкой обители, Козьма召Мининъ, продавецъ мясной, по прозванію *Сухорукій*, вышедъ на площадь, воскликнулъ ко всѣмъ людямъ Нижегородскимъ. «Если желаемъ помочь Московскому Государству, то не только не пожалѣемъ себя, но продадимъ домы свои, заложимъ женъ и дѣтей, и будемъ *бить челомъ*, чтобы усердный вождь принялъ надъ ними начальство.»

мять его и уваженіемъ къ его славѣ и подражаніемъ его примѣру. Любителямъ отечественныхъ добродѣтелей извѣстно, какимъ пламеннымъ усердіемъ Г. Веретенниковъ одушевленъ къ подвигамъ общеполезнымъ.

Сей голосъ отозвался во всѣхъ сердцахъ жителей Нижегородскихъ. Немедленно положили они отправить послами къ Князю Пожарскому Печерской обители Архимандрита *Θеодосія* и другихъ людей почетныхъ.

Между тѣмъ Герой страдалъ отъ ранъ въ вотчинѣ своей, находившейся во сто двадцати верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Пришедъ къ болѣзненному его одру, послы возгласили со слезами: «Поѣзжай съ нами въ Нижній Новгородъ; стань за вѣру православную и помоги Московскому Государству.»

Князь Димитрій Михайловичь Пожарскій, по предварительному уже сношенію съ Мининымъ, условясь о подвигѣ спасенія Отечества, отвѣчалъ посламъ: «избе-

рите изъ *посадскихъ* своихъ человѣка, который бы дѣлилъ со мною труды военные и распоряжалъ казною.» — «Нѣтъ у насъ такого человѣка,» сказали послы.— «Есть, возразилъ Князь Пожарскій: есть у васъ Козьма Мининъ. Онъ на службѣ ознакомился и съ дѣломъ и съ распорядкомъ военнымъ.»

Съ радостію поспѣшили послы въ Нижній Новгородъ и пересказали Минину слова Пожарскаго. Мининъ отвѣчалъ: «дайте приговоръ, что вы будете послушны, покорливы и будете снабжать деньгами людей военныхъ.» Воздухъ огласился кликомъ единодушнымъ: *дадимъ*! Мининъ въ то же мгновеніе сочинилъ и написалъ: «Мы отдадимъ жизнь, семейства и имущества для вспоможенія людямъ ратнымъ.» —

Сей приговоръ, скрѣпленный общимъ рукоприкладствомъ, отправленъ былъ къ Пожарскому.

Быстро разнеслась молва о подвигѣ самоотреченія Нижегородцевъ и быстро стекались со всѣхъ сторонъ дружины и денежныя пожертвованія.

Взволновались страхомъ и непріятели и измѣнники Отечества, и требовали, чтобы Гермогенъ воспретилъ походъ дружинъ Нижегородскихъ. Гермогемъ отвѣчалъ: «да будутъ благословенны люди, идущіе очищать Московское Государство, и да погибнутъ измѣнники!» Враги вѣры и Отечества обрекли сего великаго *Исповѣдника* на голодную смерть. Страданіе его въ мірѣ прекратилось 17 Февраля 1612 года.

Не дремала измѣна. Россія въ Россіи возставала на Россію: условились измѣнники захватить Ярославль, всѣ *поморскіе города* и пресѣчь путь ополченію Нижегородскому. Но были на неусыпной стражѣ Отечества Пожарскій и Мининъ. Для блага общества души ихъ слились въ одну душу. Съ перваго шагу и во все продолженіе подвиговъ своихъ, были они нераздѣльны сердцами и мыслями. И такъ Пожарскій и Мининъ послали дружину въ Ярославль предупредить злоумышленниковъ. Вождь сей дружины, братъ Князя Пожарскаго, оправдалъ довѣренность Князя, брата своего и Минина.

Въ тоже время, не дождавшись помощи изъ Казани, Князь Пожарскій и гражданинъ Мининъ, съ именемъ Бога и Оте-

чества, двинулись къ Ярославлю. Съ радостнымъ восторгомъ встрѣтили ихъ въ *Балахнѣ* и принесли пожертвованія. Вскорѣ изъ разныхъ городовъ приспѣли туда Плещеевъ и многіе Дворяне. Никто не спорилъ о мѣстничествѣ, всѣ покорствовали Князю Пожарскому и Гражданину Минину. Новыя пожертвованія встрѣтили Нижегородское ополченіе въ Юрьевцѣ *Повольскомъ*, куда подоспѣли и *Юртовскіе* Татары, которые, наслаждаясь привольною жизнію въ Россіи, обрекли себя въ жертву за нее.

Кострома возмущалась разномысліемъ: Пожарскій и Мининъ успокоили умы и перемѣнили Воеводъ. Костромскіе жители, оживотворенные умными распоряже-

ніями Русскаго Героя и Русскаго гражданина, по словамъ Лѣтописи, дали *многую казну въ подмогу войска.*

Ярославль встрѣтилъ дружины Нижегородскія съ честію и на олтарь Отечества принесъ богатые дары. Но Пожарскій и Мининъ не приняли даровъ. Нужда въ деньгахъ миновалась, осталась одна только нужда спасанія Отечества.

Съѣзжались въ Ярославль вѣрные сыны Россіи; стекались и толпы злоумышленниковъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Князь Пожарскій и Гражданинъ Мининъ употребили умную политическую мѣру къ отдаленію Шведскаго оружія. Они писали къ *Делагардію*, что если сынъ Короля Шведскаго приметъ нашу вѣру, то его призовутъ на престолъ Россіи. « Но, при-

бавляетъ *Лѣтопись*, сіе дѣлалось единственно для того, чтобы Шведы не ополчились къ завоеванію поморскихъ городовъ въ то время, когда Нижегородское ополченіе пойдетъ освобождать Московское Государство.

«Въ какихъ *Академіяхъ*, говоритъ *Ѳеофанъ*, учился Петръ Первый? Ни въ какихъ. Онъ почерпнулъ знанія свои въ книгахъ историческихъ.» Гдѣ учился Мининъ? можемъ и мы спросить. Онъ заимствовалъ свѣденія свои въ наблюденіи дѣяній человѣческихъ и Государственныхъ. Есть заря, есть полдень, есть западъ жизни. Наши нравственныя и умственныя способности сообразуются съ сими тремя постепенностями природы. Опыта нельзя пріобрѣсть ни въ какихъ училищахъ:

онъ есть плодъ зрѣлыхъ и основательныхъ наблюденій.

Сей опытъ доставилъ Гражданину Минину умъ военный и догадки политическія.

Приверженцы *Заруцкаго* покушались въ Ярославлѣ на жизнь Пожарскаго. Провидѣніе охранило его, а великодушіе Героя простило убійцъ. «Убійцы, говоритъ Лѣтопись, повинились предъ всею ратью; но Князь Димитрій не далъ ихъ убить.»

По выступленіи изъ Ярославля войсками начальствовали Князь Хованской и Мининъ. А Пожарской съ небольшею дружиною отправился въ Суздаль помолиться Всемилостивому Спасу, Чудотворцу Ефимію и проститься съ гробами родительскими.

Слухъ о приближеніи къ Москвѣ Пожарскаго и Минина обратилъ въ бѣгство Заруцкаго.

Вмѣстѣ съ Княземъ Пожарскимъ Мининъ принялъ на горѣ *Волкушѣ* благословеніе отъ Троицкаго Архимандрита Діонисія. Проливая слезы, сей незабвенный Пастырь церкви воскликнулъ: «Богъ да благословитъ васъ пострадать за вѣру и Отечество!»

День 23 Августа 1612 года ознаменовался въ стѣнахъ Москвы военною славою Минина. Добровольно вызываясь на бой, онъ просилъ Пожарскаго дать ему охотниковъ. Князь-Герой отвѣчалъ Гражданину-Герою: *возьми кого хочешь.* Непріятель въ превосходныхъ силахъ стоялъ

за Москвою рѣкою у *Крымскаго двора.* «Мининъ, говоритъ Лѣтопись, прямо налетѣлъ на сопротивниковъ.» Предъ лицемъ Героя-Гражданина дрогнули враги и устремились въ бѣгство. Воспламененные примѣромъ Минина, полки Пожарскаго просили, чтобы и имъ позволили дѣйствовать. Воеводы отвѣчали: *въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ.*

И такъ Мининъ оживилъ Русскихъ первою *радостною надеждою* освобожденія Москвы.

Освободилась Москва. Вступилъ на престолъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Юный Государь украсилъ вѣнецъ свой вниманіемъ къ великому Гражданину. Мининъ пожалованъ былъ *Думнымъ Дворяниномъ.* Сверхъ того въ родовое наслѣдство

получилъ онъ множество деревень. А за Московское очищеніе прибавлено въ жалованной грамотѣ еще къ тѣмъ деревнямъ село *Богородское* съ приписными пустошами.

Петръ Первый, въ бытность свою въ Нижнемъ Новгородѣ, поклонясь гробу Минина, сказалъ: « Жаль, что не осталось потомковъ отъ Минина. »

Но если мы и не знаемъ потомковъ Минина, мы знаемъ однако, что потомство не забыло и никогда не забудетъ великаго Гражданина.

Когда, ровно чрезъ два столѣтія, наступилъ другой *двѣнадцатый годъ*, имя Минина загремѣло во всѣхъ сословіяхъ Россіянъ и во всѣхъ предѣлахъ Россіи. Казалось, что онъ снова ожилъ вмѣстѣ съ

Княземъ Пожарскимъ. Быстро впорглись враги, еще быспрѣе они бѣжали. Съ именемъ Бога, Царя и великаго Гражданина Минина дружины вмѣспѣ съ войскомъ перешли за предѣлы Опечесшва. Знамена ихъ озарились новою славою. — 1815 Года принадцапь изъ сихъ знаменъ осѣнили гробницу Минина.

Еще 1673 года повелѣно было гробъ Минина и сына его Меѳодія перенеспь изъ приходской церкви въ новосооруженный Нижегородскій *Преображенскій Соборъ.* При входѣ въ западныя двери на лѣвой спюронѣ у самой спѣны являешся гробница Минина. Сія простая гробница, вмѣщающая прахъ безсмершнаго Гражданина, покрыша малиновымъ бархапомъ, и какъ мы уже сказали, окружена принадцапью

знаменами, предводившими Русскихъ къ славѣ 1812 года въ нѣдрахъ Отечества, а въ 1813 и 14 годахъ за границею.

Слава двухъ столѣтій соединилась у гроба Минина.

Кромѣ знаменъ, надъ гробницею Минина устроена 1815 года литая чугунная доска, на которой начертаны воспоминанія о различныхъ нашествіяхъ враговъ на Россію и о подвигахъ Минина. Наконецъ Москва, освобожденная Пожарскимъ и Мининымъ, узрѣла въ стѣнахъ своихъ памятникъ, сооруженный имъ. Нераздѣльны они были душами при жизни и нераздѣльны они въ изображеніи ихъ славы.

Время разрушаетъ всѣ памятники, воздвигаемые руками человѣческими, но слава

и добродѣтели не умираютъ. Вмѣстѣ съ памятью о нихъ переходитъ и незабвенное свидѣтельство о томъ, что личныя достоинства человѣка и Гражданина всегда уважались въ Россіи.

